

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ
ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА
ИРИНА ГРАД

ОТРОК

Женское оружие

Отрок

Евгений Красницкий

Отрок. Женское оружие

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Отрок. Женское оружие / Е. С. Красницкий — «АСТ»,
2017 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-101722-4

Женский мир... Мужчинам он частенько непонятен, порой раздражает и возмущает, но тем не менее существует, независимо от желания «сильной половины» рода человеческого подчиняясь собственным законам, логике и видению окружающего. Это целая вселенная — со своими конфликтами и дипломатией, званиями и регалиями. Есть в этом мире и свое женское оружие. Как любое оружие, оно может быть опасно, особенно если использовать его без должного умения — а ведь на владение им не требуется получать разрешение, оно у женщин всегда при себе. Освоив его в совершенстве, женщина способна самым радикальным образом изменить жизнь хоть одного человека, хоть целого государства. Не каждая владеет своим оружием одинаково хорошо, есть и такие, которые даже не догадываются о его существовании, но... тоже его применяют — порой неосознанно, даже отчёта себе в этом не отдавая, но применяют, и успешно. Разные, одним словом, бывают женщины, двух одинаковых днем с огнем не найдешь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101722-4

© Красницкий Е. С., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	36
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Евгений Красницкий, Елена
Кузнецова, Ирина Град
Женское оружие**

Оформление обложки Владимира Гуркова

© Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Предлагаемая вам, любезный читатель, книга – попытка показать женскую часть мира, в котором живут героини книг «Отрок». До этого во всех книгах серии господствовал именно мужской мир и мужской взгляд на него. Иначе и быть не могло – писал книгу мужчина и о мужчинах, тот мир населяющих. Однако без женщин мир «Отрока», как и любой другой, не смог бы существовать, и женщины в нем, безусловно, присутствовали, но показаны они именно глазами мужчины. Их истинные чувства, желания и стремления невольно оставались за кадром, тем более что тогда женщины знали свое место и не претендовали на мужское.

Просим феминисток и борцов за равноправие погодить кидаться в нас тапками и туфельками, а тайных женоненавистников не спешить зачислять нас в свои дружные ряды. Вначале попробуем разобраться, такое ли плохое оно было – это место.

Так уж сложилось, что мы сейчас живем в мужском мире. Можно с этим спорить и протестовать, но пока что факт налицо – наш мир именно мужской. Те женщины, которые становятся в нем министрами-офицерами-президентами, чтобы преуспеть на избранном ими поприще, вынуждены принимать именно мужские правила игры. И принимают, и иной раз превосходят мужчин в чем-то, но, увы, во многом ценой ухода от своего женского предназначения. Впрочем, привычная нам система взаимоотношения полов существовала не всегда, и речь тут вовсе не о матриархате, однако мы не имеем в виду и полную бесправность и забитость женщины, которая тоже имела место в прошлом. Вернее, в один из периодов прошлого нашей страны.

Каждой исторической эпохе более чем одиннадцативековой истории государства Российского соответствовала своя, особая система взаимоотношений между мужчиной и женщиной, своя степень участия женщины в общественной жизни, а также роль женщины в семье и обществе. Не всегда возможно однозначно оценить изменения в этой системе. Например, бесправие времен «Домостроя» одновременно освобождало женщину от множества обязанностей и возлагало на мужчину ответственность за ВСЕ, а конституционно закрепленное в XX веке равноправие вызвало к жизни такие, не побоимся этого слова, извращения, как женщина-шпалокладчик.

Однако, несмотря на все пертурбации и извращения, женский мир продолжал существовать рядом с мужским, зачастую незримо или совершенно непонятно для сильной половины рода человеческого, повинувшись своим внутренним законам, со своими понятиями пользы и вреда, радостями и печалью, конфликтами и даже войнами. Существовал, сохраняя и оберегая то, что мужской мир либо незаметно для себя утрачивал, либо отторгал преднамеренно; влияя на мужской мир постоянно и неотвратимо.

Не обходился без потерь и женский мир. Смуты и нашествия, голод и эпидемии, революции и регрессы, идеологические и религиозные потрясения... – более чем тысячелетняя история оказалась отнюдь не ласкова к нашему народу. Женщины же, в массе своей, были при этом главной страдающей стороной, но ведь не только страдающей! Так уж получалось, что великие деяния и подвиги, за редчайшими исключениями, совершали мужчины (или они им приписывались), зато женщины, тихо и незаметно, совершали главное – хранили душу своего народа. Нравственность, обычаи, преемственность поколений, понятия Добра и Зла в их ежедневной, обыденной, а потому незаметной ипостаси. И еще они всегда были тылом – надеждой и спасением. Принимали уставших от битв и свершений мужей, лечили их раны – телесные и душевные, смягчали гнев и ненависть, не позволяя миру скатиться в бездну войн и саморазрушения. И давали надежду на будущее.

Каков же он – женский мир? Так уж сложилось (опять же исторически), что подавляющим большинством главных героев в литературе являются мужчины. Нет, есть, конечно, и женские персонажи: Анна Каренина, Катя и Даша Булавины, мадам Бовари, Скарлетт О'Хара

или мисс Марпл... – список обширен, но в большинстве случаев все героини либо действуют в «мужском мире», либо оказываются жертвами законов этого мира. А мы попытались рассказать о самом женском мире – не воюющем и не противопоставляющем себя мужскому, а гармонично дополняющем его. Авторы лелеют надежду на то, что эта книга заставит читателей внимательнее посмотреть на окружающую действительность и почувствовать, что женский мир, несмотря ни на что, еще жив и во многих случаях может дать ответы, которые, кажется, невозможно отыскать в том, что сейчас принято называть «жизненными реалиями».

Ну а читателям-мужчинам, возможно, покажется небезынтересным, а то и небесполезным, путешествие по terra incognita женского мира.

Для достижения своих целей авторы сочли полезным взглянуть на мир «Отрока» женскими глазами. Это не пересказ на иной манер уже описанных в «Отроке» событий, а дополнение – то, что по разным причинам осталось за рамками повествования, но, на наш взгляд, является важным и интересным: взгляд женских персонажей на факты, события и обстоятельства, как правило, почитаемые мужчинами мелкими или несущественными, зачастую незаметные для мужского глаза, а порой и вовсе именуемые «бабьей дурью». Однако на общую жизнь и мужчин, и женщин эти «мелочи» или «глупости» оказывают весьма и весьма существенное влияние.

Вот так и появилась на свет книга «Отрок. Женское оружие». По времени описываемые события происходят примерно между тем, что рассказывалось в четвертой книге сериала – «Отрок. Ближний круг» и пятой – «Отрок. Стезя и место».

Засим остаемся в ожидании благосклонного мнения читателей,

Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град

Пролог

Июль 1125 года. Правобережье притока Горыни – реки Случь

Дубравное оказалось большим, проезжим, а потому отнюдь не бедным селом. Немаловажной составляющей общего благополучия всего поселения являлся постоянный двор – добротный, окруженный многочисленными хозяйственными постройками. Видимо, раньше он исправно обеспечивал дубравнинцев дополнительными доходами за счет постояльцев, но сейчас, охваченный пламенем, превратился в очень серьезную, почти смертельную опасность.

Нечего было и думать погасить главное двухэтажное здание, оставалось только поливать водой соседние дома, рушить и растаскивать пристройки, чтобы огонь не пошел дальше, и Мишка, что называется, «с чувством глубокого удовлетворения» наблюдал за тем, как быстро и четко действуют на пожаре отроки купеческого отделения Академии Архангела Михаила. Сказались-таки постоянные тренировки, включенные им в программу обучения с благословения воеводы Корнея и при поддержке наставников – к пожарам население сплошь деревянной Киевской Руси относилось очень серьезно. Радовал и урядник десятка – двоюродный брат Петр: он распоряжался уверенно и умело, заражая убеждением в своем праве командовать даже подтягивающихся на помощь жителей села.

Постепенно становилось понятно, что распространиться огню не дадут. Хозяйский дом, на котором уже занялась огнем драночная кровля, раскатали по бревнышку и залили водой из находящегося в углу двора колодца, а на стоявшем с другой стороны не то сарае, не то складе просто провалили крышу, подрубив внутренние опорные столбы и стропила.

Среди общей суеты и криков невольно бросались в глаза своей неподвижностью две фигуры. Отрок Григорий застыл на коленях возле лежащего посреди двора тела хозяина усадьбы, а отрок Леонид стоял рядом с ним с обнаженной головой и, сам того не замечая, то крестился, то утирал льющиеся из глаз слезы.

Убитый хозяин постоялого двора был отцом Григория и братом отца Леонида – туровского купца, приятеля Мишкиного дядьки Никифора. Он единственный из обитателей усадьбы успел вооружиться мечом и щитом и, во главе четверых не то работников, не то родичей, тоже оружных, сумел дать отпор налетчикам – разменял жизнь на жизнь: рядом с пятью телами защитников лежали пять трупов разбойников. Потом, судя по всему, оборонявшихся положили лучники. Подло – в спину. А раненого стрелой Гринькиного отца еще и добила ударом меча.

В очередной раз Мишка убедился, насколько переменчива и непредсказуема судьба на Руси в двенадцатом веке, впрочем, как и в любом другом, наверное... А ведь даже и мысли не держал, что придется столкнуться с чем-то подобным, когда планировал этот короткий торговый поход, поддавшись на уговоры настырного Осьмы. Тот после нескольких удачных подобных вояжей по Погорыню все-таки подбил Мишку на экспедицию на правый берег Случи в окрестности Давид-городка, ссылаясь на прекрасную возможность проверить таким образом в деле все, чему успели научиться отроки из купеческого отделения в прежних своих поездках с товарами, сопровождая приказчиков Никифора.

Такая «проверка» оказалась более или менее приемлемой версией для воеводы Корнея, для Алексея и Анны, да и для всех остальных. Впрочем, Корней с его изощренным умом, мог бы, пожалуй, решить, что для такого человека, как Осьма, торговля вразнос по погорыньским селищам дреговичей – слишком мелкое занятие, и опытный, ворочавший в прошлом немалыми делами купец стремится увеличить охват зарождающегося предприятия, что, в общем-то, можно было только приветствовать.

Мишка же увидел в стремлении Осьмы выдвинуться к местному торговому (а значит, и информационному) центру – Давид-городку – совсем иное. Пока дело ограничивалось Погорыньем, оно оставалось практически в полной воле Никифора. Только его товарами торговали в ратнинской лавке, только его товары развозились по дреговическим селищам, и только в его руки уходили плоды этой торговли. В этом случае Осьма оставался приказчиком – всего лишь приказчиком! Но не того масштаба была эта фигура. Не мог предприниматель такой квалификации, как Осьма, не попытаться включить Погорынье в региональный торговый оборот. А уж в Давид-городке можно и полезную информацию получить, и нужными знакомствами обзавестись, и собственный, помимо Никифора, бизнес закрутить. В том, что у Осьмы обязательно возникнут подобные намерения, Мишка не сомневался.

Пришлось ехать с экспедицией самому – вроде бы как оценить собственным глазом результаты «проверки» – пускать это дело на самотек Мишка не собирался ни в коем случае. Ну, а раз поехал он, то, само собой разумеется, поехал и Немой. Так и получилось, что в путь собрался довольно внушительный отряд: десяток Луки, пятнадцать отроков купеческого отделения, десяток возов с обозниками под руководством Ильи и Мишка с Немым. И вот – прогулялись, называется... Проверка неожиданно оказалась более основательной, чем задумывалось, а вместо торгового получился едва ли не боевой поход, да еще и с «купчатами», коих подвергать опасности ни в коей мере не предполагалось – не за тем ребят в учebu взяли.

А началось все с того, что на дороге обнаружили следы четырех груженых возов и сопровождавших их всадников. Под присмотром следопыта из десятка Луки, Петьки Складня, отроки попытались определить количество верховых. Больше для учебы, чем из осторожности – поначалу никто и в мыслях дурного не держал. Долго толклись, спорили, вспоминая занятия с наставником Стервом, и, наконец, пришли к выводу: конных было не меньше десятка. Складень уточнил: одиннадцать. Но и тогда еще особо не насторожились. Вроде бы ничего странного – обоз и обоз, а что в сопровождении целый десяток, так значит, купец осторожный, на оплату охраны не скупится. Беспокойство появилось, когда нашли место их ночевки. И не то обеспокоило, что остановились путники не у дороги, а на полянке в глубине леса (решили же, что купец осторожный), а то, что спальных мест обнаружилось примерно три десятка. Получалось, что возы шли не с товаром, а с людьми! А куда и зачем можно вести обоз под охраной около двух десятков человек, если он идет не к Давид-городку, а от него?

Осьма с Лукой посоветовались, а не послать ли вдогонку странному обозу дозор, но решили зря коней не томить – непонятный караван шел впереди примерно на день пути. Решение это, однако, пришлось изменить, потому что к вечеру наткнулись на место, сильно истоптанное людьми и лошадьми, от которого уходил след уже не четырех, а пяти телег. Тут уже пошло не обучение отроков, а серьезная работа. Петька Складень чуть ли не носом рыл дорожную пыль и в конце концов объявил, что пятая телега сначала шла навстречу обозу, а после истоптанного места развернулась и пошла вместе с ним. К тому же на обочине обнаружили засохшие на траве капли крови.

– Вот глядите! – указал Складень место на дороге. – Они так старались ехать, чтобы встречный след затоптать!

– Илья! – скомандовал десятник. – Давай своих обозников, лес прочесать надо. Петр, спешивай отроков, пойдете справа от них, чтобы пошире захватить. Далеко не заходите – не дальше, чем на сотню шагов. Если не найдете ничего с этой стороны, потом прочесаете другую. Складень, ты – старший! Шевелись, шевелись!

Мишка сунулся было идти с отроками, но Немой удержал его, мотнув головой в сторону Луки и Осьмы, оставшихся ждать на дороге – значит, и Мишке, как старшине, место здесь, с командным составом.

Долго прочесывать лес не пришлось – из подлеска выскочил Илья и мрачным тоном сообщил:

– Баба и отрок... оба убитые. Даже ветками не прикрыли, так бросили... шагов тридцать отсюда.

Вопреки Мишкиным ожиданиям, Лука не поехал смотреть находку, а как-то весь подобрался, посуровел лицом и снова начал отдавать распоряжения:

– Отрока Григория ко мне! Быстро! Тихон, возьмешь четверых, пойдешь вперед дозором. Илья, всем верховым собери еды в торока на два дня, и все стрелы и болты, что в обозе у тебя, тоже раздай. Мы пойдем вперед, догонять... этих, а ты с обозом – за нами, и с остережением. Понял?

– Не впервой, – Илья понимающе кивнул головой. – Только это... ребятишкам бы убитых не показывать. У мальчишки голова, почитай, напрочь отрублена, а у бабы уши рваные и пальцы рублены, видать, кольца и серьги рвали с нее. Да и зверье уже до тел добралось... смотреть жутко...

– Наоборот! – прервал Илью злым голосом Осьма. – Пускай посмотрят да поймут, с кем дело иметь придется. Торговый поход, случается, настоящей войной оборачивается. Этому и учим! Пусть видят!

«Та-ак, похоже, что нарвались на банду. Если бы конные сопровождали телеги с полонем, то часть пленных обязательно шла бы пешком – место в телегах заняло бы их имущество. Значит, банда, примерно в тридцать рыл – десяток верхами и два десятка в телегах. Встречных убивают... ненужные свидетели? Блин! А дорога-то к Гришкиному селу ведет! Он-то расписывал: село большое, есть постоялый двор, можно отдохнуть и поторговать...»

– Господин десятник, отрок Григорий...

– Погоди, Гринь, – Лука нагнулся с седла к пешему мальчишке. – Что по этой дороге дальше будет?

– Версты четыре... может, пять, и будет развилка. Если по левой дороге, то к моему селу... ой!

– Тихон! Готов? – Лука обернулся к племяннику. – Тогда быстро к развилке! Разберешься, куда тати повернули, и гонца к нам! Все. Пошел, пошел!

– За мной, рысью!

– Далеко еще до твоего села? – снова обратился Лука к Григорию.

– Дня два... как идти, если поспешить, то можно и быстрее...

– Да не бойся ты, догоним татей! Оставим обоз и верхами! Успеем!

Лука Говорун ошибся – не успели. Совсем немного, но не успели, зато с тем большим ожесточением накинудись на налетчиков.

Тати, увлекшиеся грабежом, оказались совершенно не готовы к стремительной и безжалостной атаке регулярного воинского подразделения. Село к тому времени разорили уже весьма основательно, но закругляться захватчики явно не собирались. «Веселье» было в самом разгаре, когда на головы обнаглевших от безнаказанности разбойников свалился конный десяток Луки Говоруна при поддержке Петькиных отроков с самострелами, доказавших, что в академии их все-таки не напрасно два месяца гоняли в хвост и в гриву. Так что разобрались с татями быстро, вполне профессионально и совершенно не мучаясь вопросами о превышении меры необходимой самообороны. Не успевшие разбежаться и спрятаться в лесу жители села встретили ратнинцев с приличествующим случаю сдержанным восторгом.

На усадьбу и постоялый двор Гринькиного отца – Игната Григорьевича – напали в первую очередь: наверняка основную добычу планировали взять с него, но, судя по всему, получили там достойный отпор. Крепким мужиком был Игнат, иного воина, пожалуй, стоил, даром что купец. Но вот жену свою так и не уберег: Гринькина мать лежала в глубине двора, возле калитки

в ограде – простоволосая, явно наспех одетая, со стрелой в спине – достали, видно, бабу, когда она пыталась убежать. Из полусгоревшего дома вынесли труп старой ключницы с разбитой головой да между забором и сараем нашли старика, хоть и раненого, но живого. Гринька кинулся к нему с надеждой:

– Дед Семен!..

– Гринька, ты?.. – заплетающимся языком проговорил тот, увидев парня, и, тяжело вздохнув, отвел глаза. От него-то и узнали подробности налета.

Напали на них на самом исходе ночи, когда село еще спало, так что застали врасплох. Игнат с работниками, однако, успел выскочить навстречу бандитам – собаки упредили, но, несмотря на это, не все бабы сумели спастись – ключница Параша по старости ногами слаба была, да сколько-то еще стрелами побили, пока они к лесу бежали. Куда делись хозяйские дочки – неведомо, бог дал – успели в лесу скрыться.

– Найдем, Гринь! – сочувственно сказал Мишка. – Мы своих не бросаем.

Он специально не стал перебивать парня, когда тот пространно рассказывал про своих погибших домашних – надо было дать Гриньке выговориться.

– Сколько у тебя сестер-то?

– Трое. Старшая – Аринка... Арина, она уже взрослая совсем, вдовая, вернулась... вернули ее после смерти мужа, и две младшие. Стешке семь лет, Феньке шесть...

Мишка кивал, слушая, как Гринька уже с надеждой в голосе говорил про замужество и вдовство сестры, про ее красоту, да про то, какие смешные у него младшие...

– Ну, если взрослая, то не пропадут, а мы их потом в лесу отыщем.

– А вы бы в охотничьей избушке у озера ее поискали, – подал голос заметно оклемавшийся дед. – Я так думаю, туда она пойдет с девчонками-то. Сама бы и так где в лесу пересидела тут поблизости, дождалась бы, пока тати из села уйдут. А с маленькими она рисковать не будет, уведет их. Какое-никакое там, а жилье.

– Точно, в избушке она должна быть! – оживился Гринька. – Они с отцом да вот с дедом Семеном там по десять дней, бывало, жили в охотничью пору – потом, случалось, на лошадях только и могли добычу вывезти. На всю зиму запасались птицей битой, а зимой – мясом и шкурами. Батюшка Аринку охотой от тоски по мужу погибшему отвлекал – уж очень она по нему убивалась...

– Михайла! – окликнул Мишку ратник Софрон, склонившийся над телом одного из убитых татей. – Подойди-ка сюда!

– Что такое, дядька Софрон?

– Да вот, неладное тут что-то: прочие тати одеты кто во что горазд, а этот в полном доспехе. Еще одного доспешного наши там положили, – Софрон махнул рукой куда-то в сторону. – А строевых коней одиннадцать. Куда ж еще девять ратников делось?

«А ведь и верно – куда? Похоже, в телегах ехали обычные бандиты, а сопровождал их десяток ратников. Довольно странное сочетание, не находите, сэра Майкл? Впрочем, скорее всего, те ратники набраны из таких же бандитов, разве что рангом повыше – только и хватило их воинского умения, чтобы правильно оценить ситуацию и бежать не к коням, а в лес. Впрочем, чего им те тати, чтобы помогать – своя голова дороже, да и светиться не хотели. Скорее всего, из какой-то боярской дружины молодцы с разбойниками спелись. Однако без внимания такое нельзя оставлять».

– Надо Луке сказать, пусть пленных поспрашивает; и верно – нечисто тут что-то.

За околицей села Лука, не испорченный либеральными глупостями вроде гуманного обращения с преступниками или общечеловеческих ценностей, деловито руководил пытками пленных и их последующим развешиванием на всех подходящих деревьях в округе.

Пытки носили не воспитательный, а исключительно утилитарный характер: Лука и Осьма желали выяснить все о схронах и заначках бандитов, которые вполне можно было прошерстить

на предмет контрибуции, и о сообщниках банды в окрестных селениях, а возможно, и в самом Давид-городе. Столь крупный торговый центр просто не мог не привлечь к себе пристального внимания здешнего криминального мира. И естественно, что каждая уважающая себя банда должна была в таком замечательном месте иметь свои глаза и уши.

К сообщению Мишки и Софрона Лука отнесся очень внимательно.

– Во! То-то я смотрю: кони строевые, а ратников нет.

– Двое-то есть, – отозвался Софрон. – Одного наши положили, а того, что у постоянного двора, кто-то умудрился охотничьей стрелой, да прямо в глаз!

– Ишь ты! – восхитился Лука. – Это кто ж тут такой ловкий? Ладно, с этим потом... Ну-ка, погодите-ка их вешать, давайте назад!

Двух пленных, похоже, уже попрощавшихся с жизнью, поволокли назад, от дерева к восседающему в седле Луке.

– Значит, так... хочу вас вот еще о чем спросить...

Самого вопроса Мишка уже не услышал, потому что его внимание привлек подъехавший Немой, державший за шиворот какого-то мелкого мужичка из местных. Как выяснилось, мужичок понадобился ему в качестве «громкоговорителя». Встряхиваемый железной рукой Андрея, тот озвучил следующее сообщение:

– Это самое... ребята ваши в лес побежали. Там один их удержать хотел, так не послушались... а потом этот, – мужичок опасно покосился на Немого, – меня хватать – и сюда поволок, чтобы известить, значить.

«Черт, наверное, братья за сестрами рванули, и остальные с ними, а Петька их удержать попытался, но не смог».

Андрей, словно прочтя Мишкины мысли, требовательно качнул головой в сторону леса.

«Верно, самим догонять надо, а то Лука потом изведет рассуждениями о самовольстве отроков».

Догнать ребят Мишке с Немым удалось уже в глубине леса, примерно в версте от опушки. Они топтались на краю небольшого овражка и что-то горячо обсуждали.

– ...Так она через себя погоню пропустила! – объяснял Гришка. – Отсиделись в овражке с девчонками, да как! Прикрылись листьями и ветками, подождали, пока эти вперед ушли, а сами потом тихонько в другую сторону подались. Правду Ленька сказал: как будто ее наставник Стерв научил... И по лесу шла хорошо, правильно, если бы не малые с ней – я бы и не нашел, наверное, а потом и вовсе – по ручью ушли. А тати их и не искали – сами спасались: коней своих бросили, пешими в лес подались. Так по следам выходит. Аринка девчонок, видать, к охотничьей избушке повела... Как бы тати на них не наткнулись... Надо идти выручать.

Мишка оглянулся на Немого, тот согласно склонил голову, но указал пальцем себе через плечо – назад, в сторону села.

– Урядник Петр! – скомандовал Мишка. – Одного человека послать назад, известить десятника Луку, что мы пошли к охотничьей избушке. Григорий, до вечера успеем назад обернуться?

– Нет, наверное, заночевать придется. Мы туда только к вечеру доберемся. Для пешего короткий путь есть, но мы-то верхами.

– Значит, так и доложить господину десятнику: «Вернемся завтра».

Дорога оказалась неблизкой, и действительно, только к вечеру они наконец добрались. Зимовье стояло в таком глухом и диком месте – если бы Гринька не привел, им бы и в голову не пришло, что тут есть жильё.

Подходы к избушке загромаждал почти непролазный бурелом, так что пришлось спешиться и, оставив коней с урядником Петром и десятком отроков на месте, осторожно пробираться вперед малой группой. Продравшись сквозь чащу, они разглядели добротное охотничье

зимовье, расположенное на небольшой полянке. Рядом стоял приземистый сарай, за ним виднелся стожок сена, под стеной сарая высилась аккуратная поленница, чуть в стороне торчал из земли колодезный сруб.

Немой подал знак «стоять» и принялся внимательно рассматривать открывшуюся картину. Мишка тоже попытался разглядеть признаки присутствия людей на зимовье. Если старшая сестра Григория добралась сюда с девчонками, то, видимо, сделала это очень аккуратно, не оставив заметных следов. Единственное, что отметил для себя Мишка, это не подпертая колом дверь – свидетельство того, что в избушку кто-то зашел.

«Тропинки нет, трава не примята... Может, сзади подошли?»

Немой, по всей видимости, тоже пришел к такому же выводу и, не выходя на полянку, начал осторожно смещаться влево, намереваясь обойти зимовье, не обнаруживая себя. Только Мишка собрался спросить у Григория, не может ли здесь оказаться каких-нибудь ловушек для незваных гостей, как Андрей резко подался назад, уклоняясь от непонятного предмета, упавшего с ближайшего дерева.

Ничего опасного поначалу не случилось – им под ноги, расколовшись на две половинки, свалилась сверху невесть как попавшая на дерево небольшая глиняная крынка с какой-то шевелящейся трухой внутри, способная нанести травму лишь по чистому недоразумению. Но как раз это-то недоразумение в виде целого роя разъяренных ос, устроивших в ней гнездо, и случилось. Рой явно не одобрял вмешательства спасательной экспедиции в свою личную жизнь и плевать хотел на все мечи и самострелы вместе взятые. С нарастающим гулом осы набросились на ребят, добираясь до тела и яростно жала обидчиков. С воплями парни толпой вывалились на поляну перед домом.

– Не стрелять, вашу... мать! – Мишка сам не понимал, кого останавливает: молодую бабу с луком в руках, появившуюся в дверях дома, или своих отроков, схватившихся за самострелы. Впрочем, все уже и так поняли, что стрелять не надо, да и не до того им было, если честно.

– Бегом, сквозь кусты! – опять скомандовал Мишка: Ратников еще в прежней жизни знал, что от пчел и ос надо спасаться, убегая, чтобы хлестали ветки. Отроки рванули так, как никогда не бегали на занятиях. То ли это средство подействовало, то ли ос больше интересовало их разоренное жилище, но рой довольно быстро отстал.

Потом они сидели возле избушки, и Арина пыталась снять у своих «спасителей» отеки от укусов примочками из подорожника и стеблей одуванчиков, собранных меньшими сестренками на поляне: велела мальчишкам разжевать их и прикладывать к пострадавшим местам. Мишке с Немым досталось больше всех: Мишка словил укус в самое веко, и одним глазом он практически ничего не видел, а с Андреем было и вовсе неладно – первая атака роя почти целиком пришлась ему в лицо. Сейчас у Немого явно начался сильный жар, и Мишка насто-роженно прислушивался, не сделается ли затрудненным дыхание – средств от аллергической реакции на яд ос он не знал. Арина, судя по всему, тоже прекрасно понимала опасность:

– Стешка, разбери постель и посмотри, чем нам война укутать, согреть его надо. Фенька, возьми плоские камни, знаешь где, надо их нагреть на огне – к ступням ему приложим. Потом зверобоя и ромашки наберите побольше, пока не стемнело, а липового цвета сушеного у меня немного есть – отвар сделаем... Ребята, помогите мне его в избушку завести!

Здесь все было как будто в порядке – за Немым присмотрят, надо подумать о другом.

– Трифон, тебе меньше других досталось, вернись к остальным, – начал распорядиться Мишка, – скажешь уряднику Петру, чтобы подыскал полянку для ночлега с конями: мы все в избушку не поместимся, там заночуют. Дозор пусть Петр выставит, здесь, сам видишь, все покусанные, им ночь спокойно поспать надо. Два дозора: один будет избушку охранять, а второй – их стан. Да прежде воды из колодца натаскайте – коней напоить. И поите с бережением – в колодце, поди, вода ледяная...

– Да чего там искать-то... Стешка покажет, как коней можно провести на нижний лужок, – неожиданно подала голос Арина и пояснила, не отрываясь от своих забот о лежащем почти в беспамятстве Андрее. – Там конному по тропке в обход можно пройти, завалы-то на ней не сложно растащить – это со стороны кажется, что вся чаща одинаково непролазная. А прямо за избушкой под пригорком есть озерцо и полянка, там коней и напоить, и выпастить можно – мы всегда так и делали. Чужой эту дорогу не найдет в буреломе, вы только потом за собой опять хворост натаскайте, как было – вот и след заметете.

Ночью Мишка то и дело просыпался, и каждый раз видел, как Арина хлопотала над метавшимся в жару Немым. Обычно в таком состоянии человек стонет, ругается или что-то бессвязно бормочет, а Немой не издавал ни звука, и выглядело это как-то особенно жутко.

В какой-то момент Арина, менявшая мокрую тряпицу на лбу у Андрея, увидела, что Мишка проснулся, и шепотом посочувствовала:

– Ребятам-то намного меньше досталось, и то они истонались, а ему, бедному, все молча терпеть приходится: ни воды попросить, ни душу отвести не может.

На рассвете Мишку разбудил отрок Капитон – один из дозорных. Он тихо поскребся в заднее окошко избушки и позвал:

– Господин старшина! В лесу есть кто-то... Затаились пока...

– Что значит – кто-то? Где? Сколько? Ты их видел?

– Только слышал. Они тоже, как и мы давеча, через бурелом ломились, видно, по нашим следам. А сейчас сидят там со стороны входа за кустами, переговариваются тихо, но в обход пока вроде не пошли. Мужики. И много их. Не двое-трое, точно. Панкрат к нашим на лужок побег, а я – тебя будить.

– Придурки... Побег он! А приказ от меня получить? Что он уряднику скажет?

«Петька же, как услышит, так и попрется сломя голову, всем десятком, что у него остался. А что они сделают против взрослых мужей, да еще ратников? Дети, ну, дети же! Разве что из-за угла самострелами поддержат в случае чего... Нам же только напролом пробиваться – в избушке они нас перебьют, впрочем, если напролом рванем – тоже перебьют... И окошко махонькое, даже мы не протиснемся. Разве что девчонки...»

– Так... – Мишка высунулся в окно, насколько позволяли его размеры, и зашептал Капитону чуть не на ухо. – Дуй к уряднику Петру, скажешь, чтобы шли сюда бесшумно, себя не обнаруживали и в дело не встревали, пока я не свистну. Повтори!

– Передать уряднику Петру: себя не обнаруживать и в дело не встревать до свиста.

– Исполнять!

Отпустив Капитона, Мишка обернулся и поймал на себе вопросительный взгляд Арины.

– Арина... – хоть она и была взрослой женщиной, вдовой, уважительно обратиться к ней «тетка Арина» у Мишки не повернулся язык: больно уж молодо она выглядела. – Поднимай тихонько ребят, но не давай им за доспех и оружие хвататься, нельзя шуметь. Не знают тати, что мы здесь, вот и пусть не знают. Андрея будить не надо.

Мишка подобрался к двери и попытался хоть что-нибудь разглядеть в узкую щелочку.

«Да сколько же их... И из избы не высунешься – все как на ладони. Хотя... Сколько там было конных? Одиннадцать, кажется? Двоих в селе положили, значит, не больше девяти. Также не подарок, но справиться можно, только бы ребята дурака не свалили. Как бы их на открытое место выманить?»

Отвернувшись от двери, Мишка обвел взглядом отроков и, по-прежнему шепотом, распорядился:

– Не шуметь, громко не разговаривать, доспех не трогать, самострелы к бою. Первые выстрелы: мой, Никодима и Григория, остальные прикрывают. Без команды не стрелять.

– В кого стрелять-то? Их же не видно, – неожиданно подсунулась к ним Арина. Мишка, отвыкший от такой вольности со стороны женщин, поморщился и отмахнулся от нее.

– Ты куда лезешь-то? Иди лучше девчонок в заднее окошко подсади, пусть в лесу спрячутся.

– Тебя дожидалась! – неожиданно дерзко ответила она. – Давно уже в схроне за домом сидят – если что, чужие не сыщут. Ты лучше не сердись, а послушай. Они ж не знают, что вы здесь? Ночью конский след могли и не разглядеть, если с другой стороны вышли, да он и не сюда ведет, вы же пешими к избушке прошли. А они сейчас сами беглые, прячутся, им поесть, отдохнуть да раненых перевязать надо. И сколько тут человек и кто они, не знают.

– Ну и что? – спросил Мишка. – Они не знают про нас, мы не знаем про них... если б они на полянку вышли, показались...

– Так и я о том же, – сказала Арина. – Выведу я их тебе. Побьешь?

– Как это выведешь? – удивился Мишка.

– Не волнуйся! Все хорошо будет. Вы только не подведите меня, ребятки, когда стрелять начнете... И сами тут не ослепните! – добавила она, непонятно чему усмехнувшись. – Сильно-то не пяльтесь...

Быстро развязала завязки на юбке, так что она упала к ее ногам, скинула одним движением верхнюю рубаху и повой с головы, и – мальчишки и ахнуть не успели – в одной нательной рубашке, с упавшими на плечи тяжелыми косами выскользнула за дверь, едва прикрыв ее за собой. Как раз так, чтоб можно было посмотреть, не высовываясь.

А посмотреть было на что. Нижняя рубашка тонкого полотна обрисовывала гибкую и весьма эффектную фигуру молодой красивой женщины при каждом ее движении. Арина, словно кошка, не спеша потянулась на пороге, будто со сна, перекинула себе на плечо вышитую ширинку¹, прихваченную в последний момент, и, легко ступая, пошла по мокрой от утренней росы траве к колодцу, словно и не было вокруг никого в целом свете – ни настороженно смотрящих на нее из кустов татей, ни ошалевших от такого зрелища мальчишек с самострелами в избушке у нее за спиной...

– Товсь! – прошипел Мишка отрокам, догадавшись, что хочет сделать эта безумная баба. – Стреляем снаружи, сразу от двери, первым выхожу я; Леонид и Афанасий не стреляют – подают заряженные.

Тем временем Арина остановилась возле колодца, не спеша распустила лежавшие на высокой груди косы, тряхнула головой, повела плечами, перекидывая волосы на спину, потом поставила ногу на колодезный сруб, подтянула рубаху выше бедра и стала что-то там рассматривать с самым отрешенным видом.

Зрелище было еще то! Даже Мишку проняло, а уж отроков-то... Кто-то шумно сглотнул, кто-то громко засопел...

«Как они стрелять-то будут? Самострелы в руках гуляют, как у пьяных. Ну, дает баба! Клынут, блин, не могут не клынуть!»

Неожиданно Мишка спиной почувствовал, что над ним кто-то навис. Оглянулся – Немой. Встрепанный, с отеком лицом, с налитыми кровью глазами, в руке меч... А Арина наклонилась к сложенной рядом с колодцем поленнице, да так умудрилась, что обтянула рубашкой круглый зад.

И не выдержали такого издевательства тати, ну, не могли выдержать! Не таясь в предчувствии скорой забавы, на поляну из кустов с гиканьем и уханьем вывалились семеро. Один – с перевязанной рукой, другой прихрамывает – и туда же! Правда, все при оружии и в доспехах, но на дверь в избушку и не обернулись – обступили Арину полукольцом, а она даже не

---

¹ Ширинка – полотенце.

вздрагнула, не оглянувшись, как будто не слышала ничего, так и стояла, наклонившись, и что-то в поленнице искала или вид делала, что ищет.

– Вперед! – Мишка выскочил за дверь, послал болт в одного из татей, не глядя отбросил разряженный самострел в сторону, выхватил ножи, метнул один за другим. Сзади защелкали самострелы отроков. Четверо татей повалились на землю, трое же, так и не дойдя до Арины, резко развернулись, хватаясь за оружие и сразу позабыв про соблазнительницу.

Мимо Мишки, чуть не сшибив его, пролетел Немой, в несколько прыжков оказался возле татей и тут же один из них скрючился с распоротым животом, а второй, безуспешно попытавшийся парировать удар, рухнул с рассеченной шеей. Андрей дернулся в сторону третьего, но тот уже валялся на землю от Ариного удара колуном в спину. Видно, в дровах у нее лежал, его и искала там...

«Да, сэра Майкл, сражение было коротким и победоносным, как в идеологически правильном кино про войну. Позвольте вас поздравить, враги повержены добрыми молодцами без потерь в живой силе и технике! Добро торжествует над злом! Ох, а дама-то наша...»

Бледная до синевы Арина оседала на землю, не отрывая застывшего взгляда от колуна, которым она перешибла татю позвоночник. Немой, оказавшийся ближе всех, подался вперед и не дал ей упасть, а подхватил на руки и понес к порогу избышки...

«Ну вот: “Я злодея зарубил, я тебя освободил, а теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться”. А чего? Вполне красивая лав-стори могла бы получиться... Это кабы на месте Андрюхи кто другой оказался – его-то не проймешь такими глупостями. А жаль – даром пропадает... Будет вам, сэра, еще двое бандюков где-то болтаются, как там Петька с пацанами? Да, я же свистнуть обещал.»

Мишка высвистал сигнал «вперед», прислушался, услышал ответ и скомандовал:

– Григорий, позаботься о сестре и наставнике Андрее, остальные – надеть доспех, вокруг осмотреться надо.

Идти осматриваться не пришлось: на поляне появились отроки под командой Петра. Тот, как и опасался Мишка, вел их в атаку очертя голову, предварительно не поинтересовавшись, что творится около избышки, и почему-то совсем не с той стороны, откуда должен был.

– Отбой! Все закончилось! Выставить дозоры, урядник Петр, ко мне!

Петька быстренько отдал несколько команд, повинуясь которым, отроки двинулись в разные стороны, оглядываясь на валяющиеся возле колодца трупы татей.

– Мы тоже двоих убили, – обрадовал Мишку братец. – Я с ребятами в обход хотел, а они там в кустах в сторонке... Оба раненые были, сюда не дошли. Как ты свистнул, так мы их сразу...

– Приказ у тебя был в обход идти, козлодуй? – сразу выверился Мишка. – Я чего велел? Или у Капитона на бегу все из головы вылетело?!

– Ну так хорошо же получилось, – сразу сник Петька. – Я думал...

– И о чем ты думал, стратег хренов? Раненые? А что, хоть одного взять живым не могли? Кого теперь допрашивать? Покойников? А сюда как перли? Как быки на случку – глаза в кучу, рога вперед и на все наплевать! А если б вас тут встретили не мы, а тати? Ты кто – урядник или кухарка? Полководец, туды тебя... Пришел, увидел, застрелил.

Петька было обиженно надулся, но все же пересилил себя:

– Виноват, господин старшина!

– Ладно, Петь, научись еще, – остывая, Мишка махнул рукой, не в силах больше сердиться на брата – уж слишком сильно накатило на него облегчение от того, что никто из ребят не погиб. – Пока все живы – и слава богу!

Часть первая

Глава 1

Июль 1125 года. Село Дубравное

Столы для поминок пришлось накрывать во дворе – хозяйский дом развален, постоянный двор сгорел, крышу амбара обрушили, а других подходящих строений в усадьбе Аринино отца не нашлось. Погода, к счастью, стояла спокойная, а со столами и скамьями помогли соседи. Хорошо хоть с угощением затруднения не было – содержание постоянного двора требовало больших запасов еды и напитков, а хранить все это уже не для кого...

День не был постным, и сельский священник отец Геронтий, строго следивший, чтобы поминки, не дай бог, не превратились в языческую тризну, благословил скоромные блюда, да и вообще проявлял меньшую, чем всегда, вьедливость, потому что устал. И не удивительно: отпевать сначала в церкви, потом на кладбище пришлось не один десяток «убиенных рабов Божьих», и на скамью за поминальным столом он опустился с явным облегчением.

Арина озабоченно поглядывала на брата – Григорию, впервые в жизни оказавшемуся в роли старшего мужчины в семье, пришлось нелегко. Работников осталось мало, и надо было нанять землекопов, отцу Геронтию заплатить за службу (а торговаться поп умел не хуже купца и не стеснялся этого), да и разоренную усадьбу следовало привести в пристойный вид. Ленка хоть и держался все время поблизости, подсоблял, чем мог, но ведь и у него нужного опыта мало, сам еще такой же отрок. Но и тут их выручили ратнинцы. В делах хозяйственных немало помог Осьма, быстро договорившийся о рытье могил с соседями, а переговоры с попом совершенно неожиданно облегчил Михаил, так смотривший на «батюшку» во время разговора, что тот даже утратил часть своего красноречия. И ведь ни слова не сказал, но Арине, наблюдавшей за ними со стороны, показалось, что у отца Геронтия аж руки чесались, чтобы перекрестить непонятого отрока или даже окропить того святой водой. На всякий случай.

Сейчас Гринька сидел на отцовском месте во главе стола, но вот привычного, безмолвного – одними глазами или наклоном головы – хозяйского руководства трапезой Аринин брат не только не мог повторить, но даже, похоже, и не задумывался над этим.

Сама же Аринка вполне уверенно распорядилась обслуживающими трапезу бабами, не перекладывая эту заботу на плечи помощницы погибшей ключницы, которую покойница готовила себе на замену. Не потому что не доверяла той – просто суета позволяла хоть на время забыться и не задумываться о свалившейся беде. При всей своей занятости она, тем не менее, время от времени поглядывала и туда, где в стороне от остальных ратников, как будто возглавляя отроков, сидел Андрей Немой. После всего, что довелось им испытать накануне, именно к нему из всех ратнинских мужей Аринка испытывала наибольшее доверие. Несмотря на его внешнюю угрюмость и то, что он совершенно не замечал ее после возвращения в село, что-то привлекало ее в этом суровом воине. Что именно, пока еще и сама сказать не смогла бы.

Ухаживая за Андреем в охотничьей избушке, Арина заметила на его горле страшный шрам, а сейчас обратила внимание, что еду он пережевывал медленно и тщательно, а перед этим мелко крошил ножом.

«Ему же глотать трудно, наверно, – горло-то как поранено!»

Она перехватила одну из помогавших ей девок и, указав на Андрея, велела всю пищу подавать ему мелко нарезанной. Питье же подносила сама как самому дорогому гостю, но ни благодарственного кивка, ни какого другого знака внимания почему-то так и не дождалась.

Еще в детстве бабка-ворожея, принятая в род отцом Игната и взявшая на себя труды по воспитанию и обучению старшей внучки в семье, научила ее видеть то, что от большинства

ускользает, подмечать и по едва заметным движениям понимать истинные, а не показные чувства и желания. Сейчас, глядя на сидящего за столом Андрея, Аринка уловила: каждый раз, когда она подходила, тот подбирался, будто чувствовал опасность. Это было странно и совершенно непонятно, тем более после всего, что довелось им вместе пережить, но не отталкивало, а привлекало: словно загадка, которую почему-то непременно хотелось разгадать.

«И что я все время на него пялюсь? Нашла время... Словно щенок любопытный, который впервые огромного соседского пса встретил. И страшно, и поиграть уж очень хочется.

Делом займись, дурища! Всего ли всем за столом вдосталь?»

А в конце поминок, когда гости уже начали потихоньку расходиться, к Арине неожиданно привязался отец Геронтий.

– Достоинно ведешь себя, вдовица. И трапеза поминальная у тебя христианская вышла, никакой языческой мерзости не допустила. Хвалю!

– Благодарствую на добром слове, отче.

Аринка, хоть и подосадовала в глубине души на настырного батюшку – не мог для нравочений найти другого времени, будто ей сейчас делать нечего, как с ним разговоры разговаривать, но надлежащим образом скромно потупилась. Бабка и матушка попов не любили, но вести себя так, чтобы не вызывать их нареканий, приучили, да и жизнь со строгой свекровью в православном Турове не прошла даром: хорошо понимала, что норов свой придержать тут дешевле обойдется. Впрочем, она сразу догадалась – не за этим поп к ней подошел. Про трапезу он к слову сказал, что-то еще ему надо.

И правда, отец Геронтий пожевал губами, покосился по сторонам и с некоторой осторожностью заговорил о том, что его, похоже, всерьез интересовало:

– А скажи-ка мне, вдовица, что ты про этих людей знаешь? Вроде бы и воины, и, несомненно, село наше от великой беды спасли, но... странные какие-то. Опять же, отроки с оружием... и прочее...

Ну, еще бы не показались странными отцу Геронтию Аринины спасители! Отроками безмолвно командовал немой мрачный воин с неподвижным лицом – ну вылитый скорбный лик на иконе. Старший из отроков (подумать только – подростка старшиной величают!) своим пронзительным взглядом буквально оторопь на священника нагонял. А уж воевода их... мало того, что обликом сущий язычник-нурман, так оказался еще и говорливее самого отца Геронтия! Его так и звали – Говорун. В иное время, возможно, она сама на эти странности подивилась бы, но сейчас могла испытывать только благодарность и облегчение от самого их присутствия, тем более что, в отличие от священника, кое-что об этих воинах уже слышала раньше.

Когда покойный батюшка решался по совету брата отправить Гриньку на обучение, то вызнал все, что мог, про тех людей, кому собирался доверить сына, а потом рассказал и им с матушкой, где и у кого отроки будут обучаться купеческому делу. И про дальнейшее воинское поселение, где все – ратники прирожденные не первого колена, и тем живут, и про отрока Михайлу, внука ратнинского сотника, многое сказывал: как тот нынешней весной удивил своим умением весь Туров и даже самого князя с княгиней – молод, но разумен не по годам. Вот уж действительно – необычный отрок! И, чувствуется, воин уже, мальчишкой назвать язык не поворачивается, а в глазах... В глазах вообще ей почудилось что-то такое, что мурашки по спине пробегали.

Но ведь кабы не этот Михайла с отроками и наставник Андрей, не жить ей с девчонками! Страшно подумать, что было бы, появись тати в избушке, когда они там с сестренками втроем обретались, без всякой защиты... Прочие же странности ее и вовсе мало волновали – если уж батюшка этим людям обучение Гриньки доверил, то на кого же еще ей теперь положиться? А что там отец Геронтий думает – ее не касаемо, он-то о своем печется.

Во время беседы священника и ратнинского десятника Аринка несколько раз как бы случайно прошла мимо. Сначала-то разговор вроде был понятен: батюшка деликатно намекал на

десятину с захваченной добычи, но потом... Нет, видно, не зря Лука носил прозвище Говорун! Он все говорил, говорил, говорил, отцу Геронтию все реже удавалось вставлять в разговор хоть словечко, а сама беседа отклонялась в разные, порой совершенно неожиданные стороны – Лука даже что-то чертил прутиком на земле. В конце концов лицо священника начало приобретать какое-то туповато-сонное выражение, и удалялся он после окончания беседы походкой несколько нетвердой. Хоть и трезв был совершенно.

Так что Арина не стала ничего отцу Геронтию рассказывать. Пожала плечами и сослалась на покойного отца – мол, он непонятно кому сына не доверил бы.

– Это-то ясно, но знать бы и нам следовало, кто у нас тут ноне распоряжается... И скаредность у них, увы, удручающая, – продолжал между тем вздыхать отец Геронтий, хоть и расстроенный ее неведением, но, вероятно, не слишком удивленный им – чего, мол, с бабы взять? Однако почему-то не отвязывался. – Я понимаю, десятина... у них свой приход есть, свой храм, свой пастырь, но молебен-то благодарственный за одоление супостата могли бы и заказать. Ты бы, вдовица, намекнула их начальным людям.

– Намекну, отче. Не знаю, прислушаются ли, но намекну, – не стала отказываться Арина, а про себя хмыкнула:

«Ага, делать мне боле нечего, как о твоём прибытке печься. Нешто у меня совсем ума нет, в таком деле мужам в глаза лезть? Только шуганут – и правы будут. Сам уж старайся, отче, ты это хорошо умеешь...»

– А с хозяйством что думаешь делать? Братец-то твой молод еще, управится ли? Или сама вознамерилась?

– Да уж и не знаю, отче. Тягота-то какая... С братом надо переговорить, у знающих людей совета спросить...

– Истинно, истинно, вдовица. У знающих людей, да не просто знающих, а к тебе и к твоему семейству душевно благорасположенных, кто дурного не посоветует.

«У тебя, что ли? Ты советовать любишь...»

А святой отец явно клонил к чему-то:

– Однако же не забывай, батюшка твой, Царствие ему Небесное, пожелал, чтобы братец твой выучился, а воля покойного священна. Учебу Григорию бросать не след. А тебе самой такое хозяйство из разрухи поднимать... Мыслимо ли?

«Ой, отче, что-то ты сам себе перечишь... то люди они странные и подозрительные, а то – учебу брату бросать не след... Учится-то он как раз у этих «странных и подозрительных»... Не желаешь, чтобы Гринька тут оставался? Почему, интересно? И к чему ты меня подводишь-то? Хочешь, чтобы я сама спросила? Спрошу...»

– Ой, батюшка, за хлопотами-то и подумать о том еще не успела. Гриша-то молод совсем, неопытен. Может, ты мне что подскажешь?

И сразу поняла – отец Геронтий только того и ждал. Ради этого и весь разговор затеял, похоже:

– А не продать ли вам и усадьбу, и дело купеческое? Выучится Григорий, будет с чем свою торговлю начать. Ты подумай, желающие откупить найдутся. А я прослежу, чтобы вас не обидели.

«Это что же за желающие такие? У нас в селе никто не сможет. Со стороны кто-то? Неужто сторонние люди про нашу беду уже проведать успели?»

– С решением не тороплю, но ты подумай, подумай...

Ближе к вечеру, когда вымотанная тяжелым днем Аринка мечтала только добраться до постели и не знала еще, где ту постель для себя и сестренки пристроить, к ней подошел Ленька.

– Арин, ты как, на ногах еще держишься?

– Вроде стою пока. А в чем дело? Стряслось еще что?

– Да нет, ничего не случилось. Поговорить тебя зовут.

– Кто?

– Свои все: мы с Гришкой, наш урядник Петр и Михайла. Он тебя позвать и велел.

Незадолго до этого Аринка видела, как Михайла долго и серьезно обсуждал что-то с десятником Лукой, Осьмой и Андреем Немым. Видимо, они что-то решили, и теперь старшина Младшей стражи собирался рассказать об этом семейству Григория. Удивительно только было, что и ее, бабу, на совет пригласили. Хотя отроки все-таки, не взрослые мужи, и опыт Гриньки не шел ни в какое сравнение со знанием жизни Арины, успевшей побывать замужем за туровским купцом, да и разница в возрасте в шесть с лишним лет – тоже не пустяк.

– Значит, так, други любезные, – начал Михайла, дождавшись, пока Арина скромно пристроится с краешку, – не простые тати на вас напали. На вас, на вас, не удивляйтесь. Целью их было не село, а именно ваша усадьба, а остальным так, заодно уж досталось. Почему? А скажи-ка, Петя, с чего это батюшка твой послал тебя учиться водить обозы по суше, хотя главная торговля у нас всегда по рекам идет?

– Ну, так по рекам-то все торгуют, иной раз на воде толкотня бывает, как на торжище. А всякому желательно торговать так, чтобы других купцов рядом не было. Оно и выгоднее, и спокойнее. Вот батюшка и измыслил ставить в конце водного пути острожек, запастись там товар и вести торговлю вдаль от воды из этого острожка. А для этого надо обозы по суше водить.

– А теперь ты, Гриша. Не тем ли самым занимался батюшка твой через свой постоялый двор?

– Ну, не точно так, но похоже. Тут ведь какая хитрость была... – Григорий немного поколебался, но все-таки решился рассказать. – Примерно в неделю пути от нас, а может, дней в десяти кончаются Туровские земли и начинаются Киевские. Удобного водного пути к ним нет, и киевские купцы туда не добираются – далеко, да и не выгодно.

– Ага, а если нет купцов, то нет и княжеских мытников! – Михайла понимающе усмехнулся и неожиданно вперился взглядом в лицо Арины. – Так?

Она от неожиданности сначала кивнула головой в ответ, а потом уже подумала, что, может быть, признаваться в этом и не стоило. Да и, говоря откровенно, не много она про торговые дела отца знала – только то, что тот сам иногда им с матушкой рассказывал. Михайла же, пробормотав непонятное слово «контрабанда», заговорил вроде бы совсем о другом:

– Мы с десятником Лукой и наставником Андреем коней и доспех татей внимательно рассмотрели. Очень интересная вещь получается: большая их часть – те, что на телегах приехали – обычные разбойники, а вот те, что верхами заявились, больно уж ухожены, не на татей, а на дружинников похожи, либо княжьих, либо боярских. Вот и заинтересовались мы: чьи же это дружинники тут у вас разбоем занимались? Кто и для чего их на такое дело послал? Ну, кто что по этому поводу думает?

Аринка вежливо подождала, пока выскажутся отроки, но мужская часть «совета» молчала, и она тихо спросила:

– Выходит, в сговоре они были?

– Верно. А в чем смысл этого сговора?

– Ну, не знаю... Неужто мы кому дорогу перешли? Не верится что-то.

– Понимаю, – Михайла согласно покивал головой. – В плохое всегда с трудом верится. Ну что ж, придется мне кое-что вам объяснить.

Для вас тати – воплощение зла; какое б зверство они ни совершили, вас это может испугать, разозлить, возмутить, но не удивить. Тати – они тати и есть, и добра от них ждать нельзя. Для самих же злодеев все это выглядит совсем иначе. Для них грабеж – это работа. Работа лихая, но трудная и опасная, требующая умения и храбрости. Один удачный грабеж может ватагу долгое время кормить, а потому работу эту надо делать дружно, со тщанием и не отвле-

каясь. Так что если грабить – то только грабить, молодых баб да девок помять – уже лишнее, и ватага на это смотрит недобро, ну разве что уж совсем изголодались, давно женщин не видали. Убивают же только тех, кто сопротивляется. Среди татей любителей кровь проливать мало, да и те долго не живут. А уж поджигать – все равно что резать курицу, которая золотые яйца несет, в другой раз сюда уже не придешь. Так что убивают и жгут только тогда, когда хотят, чтобы место то было пусто. Это более войне, а не грабежу пристало.

– Так ты же сам сказал, что здесь дружинники были, – недоуменно произнес Григорий.

– Да, сказал, но где жгли и убивали? Только в вашей усадьбе. По всему селу больше ни одного убитого и ни одного поджога.

– Так батюшка как раз и сопротивлялся.

– А женщины? И несколько работников ваших, которых в спину стрелами побили? Они же убежали, какая от них опасность? Значит, было где-то и кем-то решено: месту сему быть пусто. Не всему селу, а только вашей усадьбе. Выходит, что права твоя сестра, Гриша: перешли вы кому-то дорогу. Кто-то на ваше дело купеческое глаз положил и захотел от вас, как от соперников в том деле, избавиться.

– Так вот почему отец Геронтий со мной заговорил! – охнула Арина. – Кто-то наше дело откупить хочет... И не наш человек – со стороны, у нас это никому не подъемно. Только что-то уж больно быстро про нашу беду сторонние люди проведали...

Странный все-таки отрок Михайла. Вроде бы ничего особенного Арина им и не сказала, а он глянул так, словно изумился ее уму и знаниям. Да еще и на словах подтвердил:

– Умна у тебя сестра, Гриша, умна-а...

Велика ли корысть с похвалы мальчишки? Однако услышать ее из уст именно этого необычного отрока было очень приятно... странно даже. Арина невольно оглянулась и с удивлением поймала себя на мысли: может, наставник Андрей поблизости где, может, расслышал похвалу? А Михайла между тем продолжал:

– Только не ПРОВЕДАЛИ, как мне думается, эти самые сторонние люди про вашу беду, а ЗАРАНЕЕ ЗНАЛИ. Вот и получается, что выгоду сухопутной торговли батюшка твой, Петя, не первый понял. И еще: тот, кто задумал дело покойного Игната перехватить, крови не боится, и сила воинская у него есть. Понимаете теперь, – Михайла поочередно взглянул на Григория и Арину, – что вам здесь оставаться и продолжать отцовское дело никак нельзя? Мы же не каждый день мимо вашего села проходить будем.

От негромкого, но уверенного голоса отрока у Арины перехватило дыхание.

«Крови не боятся!» Сколько человек уже положили... и еще положат. Гриша не справится – сам мальчишка еще... и малявки... Господи, что ж делать-то?»

– Значит, продавать, – сказал, как отрубил, Михайла. – А вас к себе заберем. Григорий пусть спокойно доучивается... ну, и тебе, Арина, тоже какое-нибудь дело найдется. Пропать не дадим.

И сама не поняла, с чего это вдруг мелькнула радостная мысль:

«С Андреем вместе поеду».

А вслед за ней навалилось понимание – уезжать, значит... это ж сколько хлопот-то предстоит, подумать страшно! Жизнь заново начинать придется. И тут же откуда-то накатило:

«Разве это жизнь была? Что после смерти Фомы видела? Пустота одна... Чего ждала? На что надеялась? А сейчас на пепелище и вовсе терять нечего!»

И опять почему-то:

«Андрей!»

Бестолковые и сбивчивые Аринины мысли прервал голос Григория:

– А мы вот как раз и посмотрим, кто это «со стороны» такой резвый, что наше дело перекупить уже подсутился? Да наведемся к нему, да поспрошаем...

Аринка с удивлением взглянула на брата: такое ожесточение звучало в голосе обычно добродушного Гриньки.

– Ну, это вряд ли, – прервал изложение кровожадных планов Михайла. – Перекупать наверняка через третьи руки будут, а заправлять делом не сам хозяин станет, а какой-нибудь тиун, либо купчишка из мелких, в полной власти хозяина пребывающий. Так что этих расспрашивать, скорее всего, бесполезно. Однако посмотреть незаметно, в чьи руки дело перешло, нам никто не мешает. А вот когда убедимся, что виновника всего этого злодейства точно нашли, тогда и наведемся. Мы тоже крови не боимся, а рассчитаться за своих Младшая стража считает своей обязанностью. Ну что, на том и порешим? С нами едете?

– Да, едем, – решительно заявил Григорий. – А вот когда дознаемся, кто это все сотворил... Так не только с ним посчитаемся, но и с Геронтия найдем, что спросить.

– А вот это ты зря, Гриш, – и снова Аринка поразились тому, как не по-отрочески говорит и смотрит Михайла. – Пастырь ваш не только о себе печется. Подумай-ка: большинство людей занято мыслями только о себе, о своей семье и своем хозяйстве, и очень немногие способны думать о всем селе сразу. Отец Геронтий один из этих немногих, а может быть, и единственный. Да, подталкивал вас продать хозяйство и уехать, но это значит, что разбойничьих налетов на село больше не будет! Да, новый хозяин ваше бывшее семейное дело восстановит и поднимет, и выгоду, которая могла бы быть вашей, себе заберет, но ведь это не даст селу зачахнуть. Ты только прикинь, какая прибавка к благосостоянию ваших односельчан происходит от постоянного двора и проходящих через него купеческих обозов. Ты об этом подумал? А отец Геронтий это в расчет принял!

– Так что же, ради этого сирот с родного подворья выпихивать? – возмутилась Аринка.

– Понимаю, обидно, – согласился Михайла. – Только ты положи на одну чашу весов нескольких человек, которых вовсе не оставляют нищими и не изгоняют, как извергов, а на другую – благополучие всего села. Что перевесит? – Михайла обвел вопрошающим взглядом своих собеседников и опять произнес не очень понятное: – Управленцу, бывает, приходится принимать и ТАКИЕ решения.

– Но все равно... – не сдавалась Арина. Хоть она и понимала беспощадную правоту Михайлы, но смириться так сразу с этим не могла. – Свой-то интерес он тоже не забывает!

– Само собой, – не стал спорить старшина Младшей стражи. – В благополучии села и он кровно заинтересован. Батюшка-то у вас женатый, семейством обременен. Ему нужно не только паству блюсти и храм Божий в порядке содержать, но еще и семью кормить. Но и это не самое трудное. Ты попробуй каждый день, каждый час, каждым словом, каждым поступком являть окружающим пример праведной жизни. Ведь со всех сторон смотрят, все подмечают, обо всем судят... – Михайла немного помолчал и вдруг со странной злостью добавил: – и ни черта же не понимают! Думаете, хоть кто-то догадался, что пастырь ваш сейчас спасает село от повторного налета? И наплевать ему, что сам он при этом выглядит не лучшим образом! Так тоже можно себя в жертву приносить – запомните это!

Все присутствующие, включая Аринку, изумленно вытаращились на Михайлу, не зная, чему больше поражаться – смыслу услышанного или неожиданной горячности, с которой это было произнесено.

«Господи, да сколько ж лет на самом деле этому мальчишке? Не отрок – старец умудренный! Это что ж получается: я перед батюшкой скромницей прикидывалась, Лука Говорун его до головокружения забалтывал, Гриша на него злобился, и только Михайла стоял в сторонке, помалкивал, все понимал и сочувствовал отцу Геронтию! Единственный из всех».

Весь следующий день ушел на сборы. Отроки помогли окончательно раскатать полуразрушенный дом – так в нем легче было отыскать и собрать уцелевшие вещи, необходимые для устройства на новом месте. Спасшиеся работники обоюго пола сначала собирали в кучу,

а потом укладывали на телеги скарб. Соседские мальчишки пригнали пару принадлежащих семье козочек редкой породы. Дело нашлось всем, но всюду требовался хозяйский пригляд, Аринка буквально сбивалась с ног, но была этому только рада – не оставалось сил и времени на горькие думки и сомнения, столько всего надо было сделать, собрать, предусмотреть да решить, как поступить с тем, что придется оставить.

С молодыми хозяевами уезжали дед Семен и Ульяна, оба теперь уже бывшие холопы, получившие вольную. Григорий при свидетелях разорвал грамотки с их кабальными записями, но они не захотели оставаться на пепелище. Дед Семен, к счастью, оказался не так уж и тяжело ранен, просто по голове получил, а потом тати про него и вовсе забыли. Муж и сын Ульяны погибли рядом с хозяином, и она до сих пор еще была немного не в себе, но в сборах все же кое-как помогала. Аринка поначалу думала попросить деда Семена, чтобы он остался присматривать за усадьбой до ее продажи, но тот отказался наотрез:

– Моя помощь вам на новом месте пригодится, а тут и Ипат управится.

Ипат был доверенным приказчиком Аринкиного отца, частенько именно его отправляли торговать с обозами. Бобыль, он в ту ночь дома не ночевал и потому остался жив, к тому же, зная его характер, Аринка предполагала, что и с новыми хозяевами он сумеет поладить. Дед же Семен и вправду будет незаменим при обустройстве на новом месте, ни одной мелочи не упустит. Вот и в ночь перед отъездом он подошел к ней со старым лаптем:

– Вот, возьми, а я горшок для угольков понесу.

Арина настолько захлопоталась со сборами, что безропотно приняла обувку из рук Семена и только потом спохватилась:

– Ой, и правда, что это я? Совсем про домового забыла...

Когда все заснули, дед Семен вместе с Аринкой пришел к развалинам старого дома и ждал, пока она, положив лапоть под уцелевший остов печи, упрасивала батюшку-домового переехать с ними на новое место и собирала горсть еще теплых угольков из печи – взять с собой частицу родного очага, чтобы в новом доме она новый очаг согрела. Когда он еще будет, но ведь будет же непременно...

Неожиданную и очень большую помощь в сборах оказал обозный старшина Илья – низенький шуплый мужичок, заросший волосом так, что лица было почти не видно, очень деятельный и разумный. Он помог и советом, и руками своих обозников, и виртуозным умением торговаться – для того чтобы увезти все нужное, понадобилось прикупить пару телег с лошадьми, благо Аринке было известно место батюшкиной захоронки с серебром. Да и не все спасенное удавалось увезти с собой на новое место – скотину да кое-какое имущество проще было обменять на что-то более полезное.

С отцом Геронтием, как с представителем будущего покупателя, тоже пришлось поторговаться, но это была уже не женская забота. С ним повели разговор сначала Осьма, а потом уже и Лука Говорун. Первым делом заспорили о месте, где будет заключена сделка. Отец Геронтий, естественно, хотел, чтобы это произошло в Дубравном, а Осьма настаивал на приезде покупателя в Ратное. Решили, как говорится, «ни вашим, ни нашим» – и покупатель, и продавец должны были приехать в Княжий Погост, где купчую грамоту надлежащим образом составил бы боярин Федор.

Потом возникло новое затруднение – некого было ввести в права наследования. По «Русской Правде» в случае отсутствия наследников мужского пола имущество считалось выморочным и должно было отойти князю. Вообще-то наследники мужского пола у покойного Игната имелись – сын Григорий и брат Никита, но один был несовершеннолетним, а другой проживал в Турове, да и то неизвестно, находился ли он там в настоящее время, мог и уехать по купеческим делам неизвестно насколько.

Выход подсказал сам отец Геронтий: Григорию и его сестрам нужен опекун. И сразу предложил на эту роль себя! Аринке от такого счастья чуть дурно не сделалось. Ратнинцев,

к ее немалому облегчению, такой поворот, похоже, не сильно обрадовал. Вот тогда-то и было пущено в ход самое грозное оружие – Лука Говорун. Уже на второй сотне слов ратнинского десятника, взявшегося с подробностями разъяснить окружающим тонкости такого непростого дела, как выбор опекуна, отец Геронтий смертно затосковал, а еще через краткое время махнул рукой и со словами: «Делайте, что хотите», – отошел в сторону.

И тут Аринку будто кто-то в спину толкнул. Не дожидаясь, что решат мужи, и не спрашивая брата, она шагнула вперед и, удивляя присутствующих, а более всего – самое себя, обратилась к ратнику Андрею. Земно поклонилась ему и произнесла:

– Молю тебя, честной муж, прими на себя тяготы заботы о сиротах. Отдаемся на полную твою волю и почитать тебя будем отца вместо.

Григорий пару раз удивленно хлопнул глазами и тоже склонился перед Андреем.

Лука заткнулся на полуслове.

Михайла как-то совершенно по-стариковски не то сказал, не то кашлянул: «Кхе!»

Ратник Андрей, и без того скупой на жесты и мимику, сначала и вовсе окаменел, а потом непонятно заскреб пальцами по подбородочному ремню. Только потом Аринка поняла, что он пытается его расстегнуть. Справился, наконец, с пряжкой, сдернул с головы шлем и склонился в ответном поклоне.

– Он согласен, – «перевел» Михайла.

Увеличившийся на несколько телег обоз в сопровождении десятка Луки Говоруна и отроков сразу от села направился в сторону Княжьего Погоста – из-за случившегося было решено прервать торговый поход и возвращаться в Погорынье. Арина смотрела на скрывающееся за деревьями родное село со смешанным чувством – уезжали-то навсегда. Горько было от того, что покидает могилы родителей, но... только по ним и тосковала. Даже рада была, что тут не остается – на пепелище тяжело, муторно, каждый кустик о потере напоминает... Нет, как бы ни сложилась дальнейшая жизнь, прежней уже не будет. Лучше сразу обрезать – это она после прошлой своей беды поняла. Дорого ей эта наука далась, едва в себя пришла.

Возницами на телеги со спасенным добром Аринкиного семейства Михайла посадил отроков, и она, только изредка отвлекаясь на младших сестер, могла без помех присматриваться к порядкам в возглавляемом Ильей обозе, заметно отличавшимся от привычного ей устройства обоза купеческого. Строгий воинский распорядок чувствовался здесь во всем: и в том, что впереди постоянно находился дозор, и в том, как строго выдерживалось одинаковое расстояние между возами, и в беспрекословном подчинении всех без исключения приказам десятника Луки, и во многом другом.

Поначалу казался странным и даже смешным особый воинский язык, которым пользовались ратники и отроки – четкие отрывистые команды и все эти «исполнять!», «слушаюсь!», «так точно!». Но постепенно Арине стало ясно, что это не чья-то причуда, а строгая необходимость: именно из таких отличий и складывается разница между сборищем вооруженных людей и настоящей дружиной.

Одного она никак не могла понять: отчего на нее обозники и кое-кто из ратников так странно косятся, будто не бабу видят, а какое-то чудо заморское. То, что некоторые, особенно кто помоложе, по-мужски отдают дань ее красоте – так это одно дело, к этому она привыкла, но чувствовалось, что дело не только в этом.

Осторожно попыталась расспросить братьев – в чем причина-то? А то словно она что-то не то сделала, а что именно, сообразить никак не могла. Отроки помялись, переглянулись. Гринька с сомнением почесал в затылке и выдал:

– Ну так, из-за наставника Андрея, наверное, – и пожал плечами. – Да не знаю я... Просто боятся его многие, особенно бабы. Я и то обалдел, когда ты его просить стала. Подумал – откажет, хотя я-то и не против совсем... С одной стороны, оно и хорошо – теперь тебя никто

задеть не посмеет, мужи поостерегутся даже покоситься не так в твою сторону – под его-то защитой, а то сама понимаешь – ты вдова молодая да пригожая, мало ли... Но... ведь он же бобыль. И женат не был никогда.

Не женат? От такого открытия Арина откровенно обрадовалась – такого подарка судьбы она и не ждала, если честно-то себе признаться. Почему не женат, ей сейчас было все равно.

А Андрей сам подъехал к обозу в первый же вечер на привале, как раз, когда поспела каша на костре – они ужинать собрались. Посмотрел на Аринку вопросительно. Она и без слов его сразу поняла – спрашивает, как устроились. Улыбнулась приветливо:

– Спасибо за заботу, Андрей Кириллович. Хорошо все. Присядь, отужинай с нами.

Андрей в ответ как-то странно взглянул, словно не понимая, что она говорит. Хотя чего тут такого-то? Не чужие же они теперь... Наверное, он бы и ушел, но тут вмешались Стешка и Фенька, которые после ночевки в охотничьей избушке совсем по-детски безоговорочно признали своими всех отроков, бывших там с ними, а заодно и Андрея. Да и неудивительно: после всех страхов, что девчонкам пришлось пережить, рядом с ними опять был большой и сильный муж – их защитник. К тому же Аринка успела им объяснить, что воин Андрей отныне их опекун, и его надо почитать как близкого родича. Сказать, что как отца, не решилась – боялась лишний раз про их горе напомнить. Вот сейчас девчонки и выручили – с радостным писком повисли на Андрее с двух сторон:

– Дядька Андрей, дядька Андрей! Идем, у нас каша вкусная! Аринка готовила!

Они восторженно лепетали, уговаривая его остаться, а не ожидавший ничего подобного Андрей растерянно замер, опасаясь неловким движением ненароком зашибить мелюзгу. Впрочем, раздражения или досады в его глазах Аринка не заметила и потому кивнула сестренкам одобрительно:

– Давайте, давайте, ведите Андрея Кирилловича к нам.

Андрей помедлил еще чуть-чуть, потом подошел, кивнул ей благодарно и сел у костра рядом с дедом Семеном. И после ужина задержался – девчонки не отпускали, а он, кажется, не без некоторого интереса наблюдал за их возней. Аринка хлопотала в стороне и изредка посматривала на них. На сердце у нее было покойно, тепло и радостно – просто от того, что он сейчас рядом. Хотелось подойти, встать около, положить руки на плечи, как когда-то с Фомой. Вспомнила мужа и сама вдруг удивилась: и тому, что сравнила его с Андреем, который совсем на Фому не похож, и тому, что впервые за все время не отозвалось это воспоминание острой тоской в сердце, а только печалью и грустью о прошедшем. Видно, новая беда старую боль при-тупила. Аринка отвлеклась, устраивая девчонкам постель на телеге, еще подумала, что поздно, им уже спать пора давно – маленькие же, как не заснули-то на ходу? Обернулась и застыла, поймав странно растерянный взгляд Андрея.

Сам он, боясь пошевелиться, сидел в неудобной позе, а на коленях у него, свернувшись калачиком, мирно посапывала Фенька. Стешка, уже совершенно сонная, привалилась к нему сбоку и, хотя все еще старалась таращить глазенки, но тоже явно засыпала. А Андрей смотрел на Аринку, словно о помощи просил. Как же этот взгляд ее по сердцу полоснул – столько в нем было невысказанной тоски... о чем? О семье и детях, которых у него никогда не было, о матери... возможно, о матери его нерожденных детей?

«Господи, да что же он, ребенка никогда на руках не держал? Да как же это? Неужто и такой малости у него не было? Ну не своих, так братьев или племянников... а его и этим судьба обделила... За что?»

Осторожно приняв с колен у Андрея посапывающую и причмокивающую во сне Феньку, Арина кивнула ему на Стешку:

– Придержи ее, а то упадет.

– Не сплю я, – сонно пробормотала девчонка и тут же завалилась Андрею на плечо. Он неловко приобнял ее, прижал к себе, помедлил и подхватил на руки.

Аринка отнесла младшую сестренку к телеге, уложила, обернулась, чтобы идти за Стешкой. Андрей с ребенком на руках уже стоял рядом, а она и не расслышала, как он подошел. Богатырского сложения воин неловко, но бережно держал малышку – наверное, впервые в жизни привычные к оружию руки ощущали беззащитную хрупкость детского тела. Аринка почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, непонятно, то ли от жалости к сестренкам, то ли от сочувствия к нему – обделенному столь простой человеческой радостью.

«Да ведь мы для него сейчас единственная семья... Пусть не кровные родичи, только на время, вдруг, свалились ему словно снег на голову чужие девчонки, но все-таки семья, своя... Вот отчего он и потянулся к нам...»

Она тихонечко вздохнула, закусила губу с досады.

«Ну и ладно, ну и пусть говорят, что хотят... а все равно хорошо, что я именно Андрея попросила об опеке. Что там выдумали про него – не знаю, но видно же – душа у него добрая».

Хоть и устали девчонки за день в дороге, хоть и не пожалела Арина сил, устраивая им постель в телеге поудобнее, но отдохнуть в ту ночь ей не удалось: обе сестренки спали беспокойно, вскрикивали и плакали во сне, толкались и звали матушку. У Аринки сердце кровью обливалось – и сама еще не пришла в себя после похорон, и сестренки жалко. Встала потихоньку, покопалась в том узле с обгорелой одеждой, что пристроила себе под голову, вытащила на ощупь какую-то рубаху – и не понять в темноте, чья она была. Да и неважно это, главное – родительская, и родительскую силу и любовь в себя впитала, а значит, защитит детей от беды и тревоги.

Устроившись со своим рукоделием у ближайшего костра – тот давал еще немного света, она начала отрывать от подола рубахи подходящие по размеру куски ткани. Стоявший на страже Складень заинтересовался, подошел поближе, спросил, все ли в порядке.

– Сестренки мои спят плохо, хочу по кукле-бессоннице им сделать.

Ратник покивал головой:

– Верное дело, моя баба детям тоже таких делала. Только наши-то тогда еще совсем малыши были, а твои уже выросли. Поможет ли?

– Да ведь тут не в возрасте дело: столько на них за последние дни свалилось, неудивительно, что спать не могут. А успокоить их да утешить... сам знаешь – матушки нашей больше нету, – Аринка судорожно вздохнула и ненадолго умолкла. – Только любовь-то родительская жива – вот она и поможет. Куклы же эти всегда при девчонках будут – и напоминанием, и оберегом от напастей.

– Тебе света-то хватит? Погоди, сейчас еще дровец подкину, – ратник отошел к куче запасенных для утренней готовки дров и добавил в затухающий костер пару поленьев. – Ну вот, теперь тебе все видно будет.

Аринка уверенно рвала и складывала ткань, скручивая ее нитками, вытасканными с краев лоскутьев.

– Эх ты ловко-то как! – Складень одобрительно крякнул.

– Так дело-то несложное, – пожалала плечами Аринка, аккуратно свернула остатки рубахи – потом еще пригодится, последнее дело тканью разбрасываться, поблагодарила ратника за помощь и вернулась к сестрам. Девчонки в очередной раз разметались во сне, пришлось опять укладывать каждую на свое место и укутывать – ночь выдалась прохладная. Тщательно подоткнув со всех сторон одеяла, она вложила в руки Стешки и Феньки по кукле и устроилась между ними, еле слышно приговаривая:

Сонница – бессонница,
Не играй моей сестренкой,
А играй этой куколкой.

Девчонки, видимо, почувствовали тепло ее тела, потянулись к ней, но уже не плакали, а тихо сопели, обняв кукол и привалившись к старшей сестре. Куклы ли помогли, детские ли души легче переносили боль, или просто они уже начали привыкать к изменениям, Аринка не знала, но все остальные ночи прошли спокойно.

В дороге Арина изо всех сил старалась не доставлять ратникам излишнего беспокойства. Она не хотела оказаться в тягость своим покровителям, но сама чувствовала, что вписаться в четкий воинский порядок им с семейством не удавалось. Одно только появление женщин в устоявшемся мужском сообществе, даже в таком жестко связанном дисциплиной, как воинский лагерь, невольно нарушало привычный уклад. Сложности и недоразумения возникали порой там, где их и ждать-то было неоткуда.

На первой же стоянке им отвели самое безопасное место в воинском стане – в середине, и никто даже не задумался, насколько неловко женщинам будет оказаться в сплошном мужском окружении. Аринка уже прикидывала, как и кому это объяснить, да так, чтобы просьбу не приняли за пустую блажь, когда неожиданно подсобил молодой старшина. То, что не приходило в голову взрослым, вдруг оказалось совершенно понятным этому удивительному парню. Окинув взглядом их телеги, без лишних объяснений и разговоров Михайла приказал отрокам переместить семейный обоз Арины на край воинского стана, к густым кустам.

– Здесь вам будет удобнее, но недалеке дозор поставлен, так что не пугайтесь.

Сказал это и отъехал, как будто сделал что-то совершенно для себя привычное, никакого особого значения не имеющее, а Аринка сразу вздохнула с облегчением, да и Ульяна проводила необычного мальчишку долгим задумчивым взглядом. И на всех последующих стоянках подобный порядок повторялся неукоснительно: женщин охраняли, но в то же время они располагались слегка наособицу.

На одном из привалов Арина отошла за кусты немного дальше, чем собиралась, и неожиданно услышала громкий мальчишеский голос, доносящийся с той стороны, где располагался десяток отроков. Прислушалась и поняла, что урядник Петр отчитывает кого-то из своих подчиненных. Кабы это были взрослые ратники, Арина скорее всего не решилась бы подслушивать, но тут... Да и братья где-то там должны были быть, вот она и подкралась поближе – больно уж любопытно стало, что там произойти-то могло: за время поездки ей стало интересно все, что касалось воинских порядков – очень сильно отличались они от привычного уклада, а жить-то ей теперь предстояло именно среди воинов.

Она осторожно раздвинула кусты, за которыми хоронилась, и чуть не вскрикнула. Петька с перекошенным от ярости лицом пинал ногами лежащего на земле мальчишку – одного из своих подчиненных. Причем делал это урядник купеческого десятка напоказ: тут же в строю, не решаясь пошевелиться, замерли и остальные отроки. Избиваемый даже не пытался сопротивляться, только голову руками закрывал, дергаясь от ударов и поскуливая, а Петр ритмично, в такт пинкам, громко выговаривал:

– Ты, гнида! Смел! Языком молоть! – голос у Петьки был злющим. – Она там вас спасала! Показывала, что одна! Что мужей нет! Чтоб они про все забыли! И под выстрелы вышли! И сама под болты шла! И сколько тех, не знала! И одного топором! Ты свой болт из поленицы выковыривал! А она даже бровью не дрогнула! А ты, гнида!..

Сколько еще продолжалось бы это избивание, неизвестно, но тут на полянку выехал Михайла в сопровождении Андрея.

– Десятник Петр! Что тут у вас происходит? – похоже, ужаснувшая Аринку сцена избивания не сильно его удивила.

– Да вот, Минь, – Петька брезгливо пнул парня последний раз. – Языком своим поганым треплет. Про то, как вы тогда татей постреляли, разговор зашел. Ну, это-то ладно, но ведь он не

столько про то поминал, сколько про тетку Арину. Ну, как она тогда... – Петька зло сплюнул, точно попав прямо в лицо валявшегося на земле парня. – И надо же! Куда стрелять, так он не видел! Чуть ее же и не подстрелил, а что не надо, так все в подробностях разглядел, паскуда! А главное, понимаешь, сказал охальник, что с такой сестрой Гринька, коли с умом, в Турове за год серебра с охочих людей соберет поболее того, что имел. Насилу я его у братьев отнял, чтоб не убили, сам вот занялся.

– Это ты правильно, – начал было Мишка и потянулся к поясу, где у него висел боевой кнут, но неожиданно вмешался Андрей. Придержал его руку, соскочил с коня, не спеша подошел к резку, до синевы побледневшему отроку. Взял его за подбородок, сжал так, что у парня рот открылся, вытащил язык, сколько смог, и полоснул невесть как оказавшимся у него в руках ножом – только кровь брызнула ему на руку и на траву. Аринке на какой-то миг показалось, что сейчас и язык упадет, но нет, Андрей только слегка кровь пустил, для науки.

Хоть перед этим и вспыхнули у нее щеки от того, что услышала, и от обиды на глаза навернулись злые слезы, но от такого чуть в голос не охнула.

«Это ж он за меня... Но зачем же так мальчишку-то?»

Тем временем Андрей обвел строй тяжелым взглядом – никто из отроков даже не шелохнулся, но видно было, как изменились лица у ребят – испугались-то не на шутку, видать, кое-кто и раньше говорил что-нибудь про нее. Похоже, теперь сами себе языки скорее откусят...

«Вот он каким, оказывается, может быть! То-то Гринька говорил, что его боятся. Не зря боятся, выходит».

И тут Андрей вздрогнул, как от удара – встретился с ней взглядом. Напрягся, закаменел лицом, на миг в его глазах промелькнули растерянность и боль, почти оглушив ее тоской и безысходностью, но тут же сменились непроглядной тьмой – будто полог упал, погружая все вокруг во мрак... И так полоснул ее яростным взглядом, что у Аринки земля из-под ног начала уходить. Если бы не бабкина наука, она, наверное, тут же и сомлела бы, да вспомнила в последний момент, как учила ее когда-то старая ворожея видеть не то, что хотят показать, а то, что в душе на самом деле таится. Вот она и защитилась этим умением, пропустила тот ужас мимо себя, заглянула глубже, в самую суть, на доньшко... Лучше бы уж удар на себя приняла – то, что увидела, принять было не легче...

За два года она отвыкла смотреть на мужей женским взглядом, никого рядом с собой после Фомы видеть не хотела, думала уже – навсегда это с ней теперь. А тут вдруг глаза Андреевы. И такие нежность и боль, скрытые даже от него самого, там увиделись... Утонула, пропала в единый миг и поняла: не сможет уже его забыть.

«Господи! Да зачем же я вылезла тогда с этим опекунством?.. Ведь как брата старшего о помощи просила, а разве теперь смогу на него как на брата смотреть?»

Неожиданно рядом раздался топот копыт, и с высоты седла прозвучал голос Михайлы:
– Заплутала? Стан в той стороне. Тебя проводить?

Аринка в ответ мотнула головой, дескать, не надо, повернулась и побрела в ту сторону, в которую указал Михайла.

«Что это со мной? Совсем я ума лишилась, что ли? Андрей... не ко времени ведь совсем... но уже не изменить ничего, не в моей власти... Что же он за человек-то? Душа трепетная, а с мальчишкой так... Ну, подумаешь, языком чесал. Да и со мной... То вроде бы вступился, а потом вдруг как глянул-то! Или осерчал, что я подглядывала? Воины... Не поймешь их, все у них по-своему».

Вечером Андрей был, как всегда, спокоен, осторожен с девчонками, вежлив с Ариной, как будто ничего не произошло, а вот она теперь только о нем думала. Наконец, и от себя перестала скрывать: случилось то, чего уже не ждала. Может, потому и случилось, что не ждала? После всех бед и потерь спасением и опорой стала для нее эта нежданная нежность, растопившая заледеневшую два года назад душу, открывая ее для новой любви, давая надежду на

будущее. И заглушая тот страх, который она ощутила, когда увидела, как Андрей заносит нож над лежащим отроком.

Впрочем, долго мучиться этими мыслями Арине не позволил старшина Михаил. В тот же вечер после ужина он подошел к их костру, вежливо попросил разрешения присесть, одарил Стешку и Феньку маленьким туском с медом, вопросительно глянул на Андрея, а потом обратился к Арине:

– Ты сегодня случайно, – Михаил выделил голосом слово «случайно», – увидела то, что тебе не понравилось и даже напугало. Ну, это и любого человека, незнакомого с нашими обычаями, напугало бы. Однако, если бы ты смотрела внимательно, многое бы тебе увиделось по-иному... – Михаил прервался так, что Арине стало понятно – он ждет от нее вопроса.

– Внимательно? А что я должна была увидеть?

– Ну, во-первых, ты могла заметить, что Андрей этому трепачу по языку не боевым оружием чиркнул, а обыденным ножом. То, что порезал он ему язык совсем не глубоко, ты, конечно, издалека не разобрала бы, но уж хозяйственный нож от засапожника с такого расстояния отличить можно. Еще совершенно ясно видно было то, что наказуемый был в доспехе, а значит, Петькины пинки для него обидны, но не очень болезненны и уж совсем не опасны для здоровья. Ведь так? – Михаил почему-то задал этот вопрос Арине, а не Андрею, который мог бы подтвердить сказанное со знанием дела. Арина в ответ утвердительно склонила голову.

«Так-то оно так, но... После твоего объяснения я это ясно вижу, а вот чтобы самой заметить такие мелочи, надо в вашем воинском поселении вырасти. Или просто долго жить. Хотя для вас это вовсе и не мелочи».

– Ну, и третье. Правда, чтоб это понять, надо помнить, что наказывали-то учеников, а воин Андрей у них наставником. Он единым махом прекратил наказание, но так, что все всем стало понятно и на будущее расхотелось злословием грешить.

Только сейчас почему-то подумалось, хоть и знала уже об этом со слов Гриньки:

«Андрей – наставник? Как же он их учит, безгласный-то? Да вот так и учит, на вид страшно, а на самом деле...»

Но в нее словно бес вселился – тот самый, что вечно баб за язык не ко времени дергает. Тем более, что разговаривала с отроком, не со взрослым воином, вот и не смогла удержаться, чтобы не проговорить вслух все сомнения.

– А если бы не рассчитал и резанул чуть сильнее, чем надо? Или рука дрогнула бы? Или у парня от испуга сердце зашлось – ведь отрок еще?

– Это у воина-то рука дрогнула? – Михаил глянул на Аринку так, будто она сморозила невесть какую глупость. – Ты, когда прядешь, мимо веретена рукой промахиваешься? А когда лук режешь, по пальцам себе ножом часто попадаешь? А ведь от твоей ловкости, что в прядении, что на кухне, жизнь твоя не зависит. У воина же от мгновения, от расстояния в толщину волоса зависит именно жизнь! Так что силу соизмерять... да об этом даже и задумываться странно. Если от кого-то из воинов услышишь, что он мухе на лету может ноги отрубить, то не думай, что хвастается. Скорее всего, так и делал. Искусство воина во всяких, порой самых неожиданных делах проявляется. Ну, а насчет «сердце бы зашлось»... ты что, думаешь, мы здоровье учеников своих не проверяем? Хлипких в воинское учение не берут.

Михаил немного помолчал, а потом заговорил о другом, вроде бы к предыдущему разговору отношения не имеющем.

– Есть у франкских бояр такой обычай: время от времени собираются они в каком-либо месте для соревнования в воинском искусстве. Называется это у них «турнир», а самих бояр франки по-своему величают «шевалье». Сражаются на тупом оружии, хотя и в полную силу, так что бывают и убитые, и покалеченные. Но немного. А победителей в тех турнирах чествуют и награждают, и уважением они пользуются великим. Впрочем, это не только у франков в обычае. И у германцев риттеры так соревнуются, и у саксов – найты... не в том суть – в каждом

языке для боярина, благородного воина, свое название. Но есть на этих турнирах одно интересное правило: перед началом все участники выставляют на длинной скамье свои шлемы. И если кто-то из них злоязычием своим оскорбил женщину боярских кровей, ей достаточно просто подойти и положить руку на шлем виновного. И тогда того бесчестят: сажают его вместо коня верхом на забор, а щит его надевают ему на руку вверх ногами, так что его знамя, на щите изображенное, оказывается перевернутым. Потом изгоняют с турнира с позором, и никто из бояр его уже ровней себе не посчитает, напротив, будут всячески поносить и презирать.

Мы, конечно, не франки, турниров у нас нет, однако обычаи благородных воинов в разных местах у людей разных языков и верований отличаются не сильно. Это не случайно: для воина его женщина – не просто жена, а если угодно – боевой товарищ, прикрывающий спину от опасностей. В обычное время женщина как женщина, но случись беда, наши женщины и топором махнуть сумеют, и многие из лука не промахнутся, а в последнее время с малых лет учатся из самострела стрелять. Главное же, если что с воином случится – все ведь под Богом ходим – есть у нас уверенность, что наших женщин наши товарищи защитят и в обиду не дадут. А от франков мы отличаемся тем, что бережем всех своих женщин, и неважно, боярского они рода или нет. Вот этому наставник Андрей не одного этого болтуна, а всех отроков поучил, да так, что на всю жизнь запомнили...

Михаил еще немного помолчал, а потом уже другим, усталым, голосом добавил:

– Воинское учение порой бывает жестоко, непривычному глазу может показаться страшным, но оно очень точно, недвусмысленно и являет собой не выдумку наставников, а опыт многих и многих поколений воинов, добытый кровью. В воинском учении все важно и все имеет смысл.

То, что сказал Михайла, было Арине понятно, но вся ее женская суть не позволяла ей согласиться с ним сразу же, выискивая способы избежать излишней, как ей казалось, жестокости. Тем более, что сама она того мальчишку уже пожалела и простила.

– Но вы же не воинов – купцов учите.

– А что, купцы только в лавках сидят? В походы не ходят, достояние свое от татей оружием не защищают?

– Но ведь отроки же, почти дети еще! Как же можно так с ними?

– Не можно, а нужно. И именно в отрочестве – потом поздно будет. Ну, представь себе, чтобы ребенку лет до десяти не разрешали ходить – чтоб не упал и не расшибся. Дескать, подрастет, вот тогда... Каждому учению – свое время. Как учишь ребенка с малых лет держать ложку рукой, а не ногой, так и воинские обычаи ко времени зрелости должны в кровь впитаться, чтобы и помыслить себе иначе воин не мог.

Арина уже набрала в грудь воздуха для следующего возражения, но Михаил, выставив ладонь вперед, не дал ей ничего сказать.

– Понимаю, сразу с этим согласиться трудно. Кажется жестоко, непосильно для незрелого разума и неокрепшего тела. Тем более женщине свойственно детей жалеть. Однако, не жалея отроков сейчас, мы, возможно, спасаем им жизнь в будущем. Поживешь у нас, оглядишься, многое тебе ясно станет.

И снова, уже из чистого упрямства, Арина хотела что-то возразить, но тут шевельнулся Андрей, до того сидевший неподвижно. Сначала ей показалось, что этот жест напоминает попытку успокоить норовистую лошадь – Арина даже обиженно отшатнулась, но потом вдруг поняла, что Андрей просто хочет удержать ее от глупого и бесполезного препирательства. Михаил глянул на Аринку с Андреем, неожиданно улыбнулся и, уже поднимаясь на ноги, произнес:

– Я же сказал – мы защищаем СВОИХ женщин.

Повернулся и пошел куда-то, оставив после себя ощущение беседы с умудренным старцем, а не отроком. Арина некоторое время поражено смотрела ему вслед, и только когда он

скрылся в темноте, до нее дошел смысл его последних слов – «своих женщин»! Растерянно обернулась к Андрею и тут же получила безмолвное подтверждение: «Да, ты своя!»

«Своя? Ну да, теперь свои мы... А я-то ТВОЕЙ стать хочу...»

Аринка едва сдержалась, чтобы вслух этого не сказать. Они с Андреем вообще про это больше не говорили, но появившаяся было между ними отстраненность пропала после разговора с Михайлой. Удивительный отрок – воистину удивительный! Ведь он нарочно такое время выбрал, когда и Андрей тут – он-то сам все это сказать ей не мог.

«Да ведь Михайла мне все это рассказывал, чтобы я понимала, куда еду и с кем мне теперь жить предстоит... Ну да, то, что они меня своей признать готовы – полдела, даже меньше, мне своей еще только предстоит сделаться – принять их правду и стать одной из их женщин, тех, которые мужам своим – как он там сказал? Боевой товарищ... ух, слово-то какое... и не слышала я, чтобы про баб так сказывали. Ну, да он много чего удивительного наговорил. И про обычаи иноземные тоже... Дядька Путята про такое и не упоминал, хотя он много про дальние земли рассказывал... Но Михайла-то откуда про то знает? Так говорит уверенно... Ой, да не о том думаю! Мне бы самой такого отношения достойной стать, вот что главное! Если с Андреем быть хочу... Как, еще не знаю, но стану! Непременно стану!»

Ночами Арине не спалось: и про Андрея непрестанно думала, и одолевали мысли о том, как устроится их будущее на новом месте. Она попробовала расспрашивать о жизни в воинском поселении братьев. Толку от них было мало – они все больше толковали об учебе, о том, какой умный Михайла, какой сильный наставник Андрей, какой строгий какой-то старший наставник Алексей. Единственной женщиной, о которой они охотно говорили, была мать Михайлы боярыня Анна Павловна, да и та в их рассказах представляла чуть ли не святой.

В конце концов Аринка решила порасспрашивать обозного старшину Илью Фомича, благо, поговорить он был большим любителем, а к ней относился вполне доброжелательно.

– Дядька Илья, а как вы у себя в Ратном живете, сильно у вас там все от обычного села отличается?

– Да так и живем, Аринушка, как все: землю пашем, охотимся, бортничаем, детишек растим, ну, еще службу ратную несем и за то податей не платим. Вот в том, наверное, главное отличие и есть.

– А женщины? Их жизнь у вас чем отлична от обыкновенной?

– Да как тебе сказать, Аринушка... О том тебе, конечно, лучше бы у баб поспрашивать. А я тебе скажу так: жены наши не просто жены, но супруги воинов, надежная их опора и прибежище в крайности. А еще страдалицы они. Сама посуди – чуть не каждый год мужей, сыновей, братьев в поход провожать и не знать, вернутся ли живыми. Ну, и еще отличие есть. Уж не знаю, как ты там у себя в Дубравном или в Турове привыкла, а у нас бабе можно все, что и всем прочим бабам, пока это не идет во вред воинским надобностям и обычаям. А тут все – край. Ратниками у нас все начинается, ратниками же и заканчивается. Как им без Ратного не жить, так и Ратному без них. Так что хоть и есть у нас староста – Аристархом зовется, а последнее слово всегда за сотником ратнинской сотни – Михайловым дедом, Корнеем Агеичем Лисовином.

– Вот как? Это что же, – попробовала пошутить Аринка, – сотник у вас и над бабами начальствует?

– Над всем! – отрубил Илья. – Однако же, и среди бабьего сословия начальные люди есть. Начальные бабы, хе-хе...

– Это как же?

– Ну, перво-наперво, есть у нас старостиха Беляна. Баба знающая, разумная, опять же, из-за спины мужа выглядывает, порой даже и грозно. Есть у нас и лекарка Настена. Она, чтоб ты знала, не только лекарскими делами ведает, а и многим другим, в бабьих интересах... и

то сказать, знает обо всех столько, что люди порой и сами о себе не знают. Ну, и... сама понимаешь. Была у нас еще старуха Добродея. Не то чтобы начальник человек над бабами, но за советом, утешением, справедливостью в бабьих делах ходили к ней. Мудра-а была... Жаль, в моровое поветрие померла.

Впрочем, ты-то ведь не в Ратном жить будешь, а в крепости, где Младшая стража. А там начальствует боярыня Анна Павловна. И скажу тебе, Аринушка, не только над бабами начальствует. Как уж у нее так выходит, не знаю, а только и мужи смысленные, даже и воинского звания, ей поперек стараются не идти. Строга, нет слов, строга, но и справедлива, и милосердна – отроки ее чуть не как святую почитают.

– Выходит, что почти все вятские люди у вас – Михайловы родственники?

– Выходит, что так.

– А сам Михайла? Необычный он какой-то. Давеча про татей объяснял, как будто бы сам в разбойной ватаге обретался, да не один год.

– Хе-хе... это он может! Он тебе так же и про князей расскажет, и про старцев ученых... да хоть про девок гулящих, хотя сам, как ты понимаешь, ни в одном из сих достоинств не состоял, – Илья сделал строгое лицо и назидательно воздел к небесам указательный палец. – Наука книжная – великое дело! А Михайла ее насквозь превзошел!

– Так книжной науке учиться надо, – заинтересованно заметила Аринка. – Неужто в Ратном такие наставники есть?

– У-у-у, это у нас, как нигде! Один отец Михаил чего стоит! Святой, истинно святой! Постами и молитвенными бдениями себя изнуряет, порой и излишне, погани языческой, как истинный воин Христов, противостоит, детишек наукам учит. Да если б только он Михайлу учил! Есть у нас еще... – Илья неожиданно заткнулся, словно чуть не ляпнул то, о чем следовало молчать, но потом бодренько продолжил: – вот, к примеру, Андрюха Немой Михайлу сызмальства воинскому делу учит.

– А почему он не женат?

– Кто, Михайла?

– Да нет, Андрей.

– Ну... как тебе сказать... тут дело такое... – Илья на некоторое время примолк. – Ты ведь и сама, Аринушка, не знаешь, как удачно опекуна выбрала. Ты не смотри, что Андрюха безгласен да увечен, сестренки-то твои враз к нему привыкли. Детишки – они такие, будь даже у нашего Бурей дети, и то бы батюшку самым красивым да ласковым считали.

– А кто такой Бурей?

– Хе-хе... да есть у нас один... красавец писанный, ни в сказке сказать, ни пером описать. Горбун. Бабы от одного его взгляда столбенеют. Вот и от Андрюхи тоже шарахаются...

– Так что ж ты Андрея с каким-то уродом равняешь? – не удержалась Аринка, задетая тем, как Илья это сказал. – С чего бы от него-то шарахаться? Он же добрый. А увечья... Мало ли воинов шрамами изуродовано, у Михайлы и то уже есть...

Илья поглядел на нее внимательно, усмехнулся:

– Правда твоя, Аринушка! Только вот ты это увидела, а другие и замечать не желают. Ну, да это я так, к слову просто пришлось.

Так вот, об Андрюхе. Он ведь тоже из рода Лисовинов. Родство, правда, дальнее, но живет он в доме сотника Корнея как свой, семейный. Вернее, жил, сейчас-то он в крепость перебрался, наставничать в Младшей страже. Но случись что – на защиту твою и всего твоего семейства поднимется самая страшная сила в Погорынье во главе с самим сотником Корнеем. А это имя не только в Ратном уважением пользуется, но и язычников по лесам трепетать заставляет...

Слушая все это, Аринка хоть виду и не подавала, но чувствовала – не договаривает что-то обозный старшина. Уж больно часто разговор в сторону уводит и от вопросов, совершенно

невинных и естественных, уклоняется. Неспроста это. То ли не хотел рассказывать какие-то подробности чужому человеку, то ли просто боялся. И все больше и больше склонялась к мысли, что он именно боялся. Не то чтобы дрожал от страха, но так... опасался. Для проверки своей догадки спросила:

– А к старым богам, славянским, у вас как относятся?

– Ну ты, баба... – Илья оглянулся, будто опасался, что их подслушают. – Ты лучше кого другого об этом спрашивай, да поосторожнее, не первого попавшегося.

Так Аринка ничего толком и не узнала: ни про жизнь женщин в воинском поселении, ни про Андрея. Одно только стало понятно – есть у них там нечто такое... ну, как у нее с бабкой было – посторонним знать незачем.

А мысли продолжали одолевать.

«Ну вот, сколько времени языком чесал, а ничего путного так и не сказал. Хотя... если вспомнить да подумать как следует, как батюшка и Фома учили, то кое о чем догадаться можно по тому, о чем он постарался умолчать. Перво-наперво, поосторожнее мне надо быть с расспросами. С Андреем тоже что-то не совсем понятное... Не зря Илья разговор в сторону увел, когда я его спросила. Но все равно – правильно я Андрею опекуном поклонилась, как толкнул меня кто. Ведь не ошиблась же! И воин он из лучших, и из рода самого видного... Ой, это что ж выходит-то: и мы теперь хоть каким-то боком к роду Лисовинов прилипемся? А если он решит, что я из-за этого только?..

Конечно, Грине поддержка в делах-то какая! И за девчонок можно не беспокоиться – у них теперь дядька Андрей есть. Андрей... А может, он не только у девчонок есть, но и у меня будет... хоть когда-нибудь... Ведь и не рассчитывала я тогда ничего – даже понять не успела, что творю. А если бы он женат оказался, что бы я теперь с собой делала? Господи, и о чем я тогда думала? Ой, да ни о чем... Почитай, два года помыслить не могла, что хоть кого-то вместо Фомы встречу, а тут, ничего о нем толком не зная, словно в прорубь рухнула. И уже ничего с этим поделать не могу... да и не хочу. Господи, Пресвятая Богородица... и все светлые боги, помогите нам с ним друг друга обрести».

Ворочаясь в ту ночь на телеге, Аринка снова и снова вспоминала все то небольшое, что сказал про Андрея Илья, и решила, что непременно еще не раз поговорит с обозным старшиной, пока в дороге время на это есть. Человек он вроде как болтливый, не злой, и проговаривается, бывает. А еще прикидывала, что и как ей придется делать на новом месте, как станет она устраивать быт свой и своих родных, обдумывала предстоящие хозяйственные хлопоты. И пыталась прогнать внезапно появившуюся мысль о том, что судьба дает ей возможность как-то изменить свою жизнь. Казалось бы, все в бабьей доле предусмотрено, налажено, заповедано поколениями предков – какие там изменения, что менять-то? А ведь все два года, прошедшие после смерти Фомы, не покидало ее ощущение никчемности своего бытия, постоянно грызло и не давало опять выйти замуж и на этом успокоиться. Да и не думала Аринка, что сможет после Фомы кого-то еще полюбить, а без любви – не хотела. Терзалась из-за этого порой, сама себя убедить пыталась, что блажь это – живут же другие, ни о чем таком даже не помышляют, а дети пойдут – и подавно не до любви станет, не до раздумий о смысле своего бытия, но... легче было в полынью головой кинуться, чем против себя пойти! Уж такая блажная уродилась, наверное... Спасибо, батюшка с матушкой не неволили, единого раза не попрекнули, хоть видела – переживают за то, что их дочь любимая себя словно заживо похоронила. Ведь бабий век-то короткий, и так уже не девочка – долго ли еще на нее глядеть будут? Вокруг девок молодых полно... Может, теперь, на новом месте, в окружении других, таких странных и непривычных людей, рядом с человеком, о котором она сейчас постоянно думала и который стал таким родным и близким, поймет она, в чем оно – ее жизненное предназначение?

И одновременно с этим на задворках сознания мелькало, что ее Андрей (она и боялась, и хотела назвать его своим, хотя бы в мыслях!), со всеми его странностями – не последний человек в таинственной пока крепости. Уважают его и побаиваются, к жене его относятся будут тоже с уважением, и за ним она будет воистину, как за каменной стеной.

Аринка отгоняла от себя такие недостойные, как ей казалось, мысли, но ничего поделать не могла, а потом вдруг вспомнила то, что говорил ей как-то покойный муж: «Расчет чувствам не помеха. Расчет чувства подкрепляет, но чувства расчет направляют. И не дай бог начать какое-то дело, если чувства с расчетом не в ладах – добра не жди».

«Как про меня нынешнюю Фома тогда сказал! Непростая мне любовь досталась, но другой теперь и не надобно... И расчет, и чувства – все на Андрее сходится... И все равно боязно... за себя, за него... за нас... Да что же это я? Когда это бабе жизнь легко давалась? Глядишь, и поможет мне Пресвятая Богородица. Богородица?... или... Лада? Кого мне за Андрея благодарить? Ой, да не важно... Главное – не дам я пропасть этому дару: приспособлюсь, себя переделаю, как надо будет, лишь бы с ним рядом остаться, а там... может, и пригодится бабкина наука да ее благословение».

Обоз тем временем шел и шел, переправился через Случь и миновал Княжий Погост. Наконец Илья, с которым Арина с тех пор частенько беседовала при каждом удобном случае, сообщил ей:

– Ну все, последняя ночевка. Завтра после полудня в Ратном будем.

Глава 2

Июль 1125 года. Село Ратное

Утром Гринька, как обычно, подошел к сестре:

– Арин, Михайла сказал, сегодня на ночь мы в Ратном остановимся, в усадьбе Корнея Агеича. Утром в церковь сходим, а после обеда уже в крепость двинемся. Там и будем окончательно на житье устраиваться. Так что завтра, считай, на место прибудем.

Хоть и понимала Арина, уезжая из родного села, что прежняя жизнь ушла безвозвратно, но только сейчас осознала окончательно – все, пути назад нет. Новую начинать надобно.

До этого она думала все больше об Андрее. Снова и снова возвращалась в мыслях к своей просьбе об опекунстве, переживала насчет правильности такого решения, а главное, терзалась вопросом: почему он согласился? То ли из одного чувства долга, то ли ухватился за возможность получить семью – хоть таким способом, то ли... Свои надежды она и про себя не решалась проговорить.

А вот теперь к ней пришли другие сомнения и переживания: каково им на новом месте будет? Как-то их в Ратном встретят, как на нее – чужачку, под влиянием мгновенного порыва напросившуюся в подопечные к члену рода Лисовинов, посмотрит глава этого рода – суровый и властный Корней Агеич? И дело даже не в его доброй или злой воле: к чужакам везде настоженно относятся, потому как непонятно – пользу или вред принесут они роду. А ведь всяко еще обернуться может. Примут ли их в общину или прогонят прочь, а если примут, то кем, на каких условиях? Одиночке не выжить – это она знала твердо, так что хочешь – не хочешь, а приспособливаться к новой жизни ей придется, если не ради себя, то ради своих близких. И... ради Андрея.

«Только бы не прогнали, только бы приняли, а уж я из себя вон вывернусь, но стану для них своей, докажу, что не будет от меня вреда, а польза быть может!»

С этими мыслями она и въехала в широко открытые по случаю их прибытия ворота в высоком тыне, окружающем сгрудившееся на пригорке у реки то самое, удивительное и пока непонятное ей воинское поселение – Ратное.

Пока обоз продвигался к центру села, Аринка, сидя в телеге с девчонками, с любопытством осматривалась вокруг.

Село как село – побольше, чем Дубравное, но обособленнее, что ли. Чувствуется, тут люди живут более закрыто, своим обычаем и порядком. Да и чужие, наверное, редко здесь появляются – уж очень далеко от проезжих путей. Оттого и тын вокруг села высокий, словно его обитатели всегда готовы обороняться, неважно от чего или кого. Но в остальном – ничего особенного. Дома за крепкими высокими заборами приземистые, основательные, словно они, как и хозяева, настоже и в любой момент готовы защищаться от чужих.

Бабы толпились возле колодца на самом въезде, встречали обоз, но смотрели издалека. По лицам некоторых заметно было, что узнали своих и рады их благополучному возвращению, но никто не подбегал к конным ратникам и телегам, не кидался на шею мужьям и сыновьям, не нарушал строгого воинского порядка, которому все здесь, похоже, так или иначе подчинено. Все терпеливо ждали, пока начальствующие позволят разойтись их родным по домам, тогда уж и поздороваться можно, как следует, а пока изредка кто-то из женщин, просияв лицом, как будто ненароком взмахивал рукой, но и только.

Аринку с сестренками в телеге, конечно же, заметили сразу: остальные были всем хорошо знакомы, а тут бабы с детишками, посторонние, явно чужие.

Первой на них обратила внимание какая-то тетка с любопытными быстрыми глазами, вытянутым, по-своему красивым лицом, но необъятными телесами. Она стояла впереди всех

и жадно рассматривала приехавших, словно боялась пропустить или не заметить даже самую пустячную мелочь. Она не выискивала глазами в строю или на телегах никого из своих, просто шарила взглядом, умудряясь, кажется, одновременно держать в поле зрения весь обоз, и буквально лопалась от любопытства – вон, даже рот слегка приоткрыт. Когда она разглядела, наконец, телегу, где ехала Аринка, то вытянула шею и даже затопталась на месте от нетерпеливого любопытства. Оглядела Ульяну, деда Семена, девчонок, наконец, зацепила взглядом Аринку, да так и впиалась в нее глазами, казалось – сейчас дырку протрет. Потом пихнула локтем в бок свою соседку, быстро затараторила ей что-то на ухо, и та тоже уставилась на чужаков, а за ними – и прочие.

Ох и неласковыми были эти взгляды! Ну, иных Аринка и не ожидала – чужаков ласково не встречают, да и знала уже от Ильи, что здесь холостых мужей не хватает, а молодых вдов и девок в избытке. Еще одна молодая да красивая вдова вряд ли кого обрадует. Впрочем, мужские глаза говорили совсем иное: пусть и много баб в селе, да все равно новая, собой пригожая равнодушной никого не оставит. К тому же почти все здешние, как заметила Аринка, были светловолосыми, оттого и ресницы с бровями казались белесыми, лица смазанными. А ее темные косы, с рыжевато-красным оттенком (как батюшка посмеивался – гнедой масти), хоть и не видны из-под повоя, зато издали бросались в глаза темные, будто нарисованные брови и такие же ресницы, словно тонким угольком очерчивающие синие глазищи в пол-лица.

Знала она, что красива, другое дело, что после смерти Фомы красота эта доставляла ей больше неприятностей, чем радости. Вот и здесь – будь она неприметной серенькой мышкой, не смотрели бы сейчас мужи так откровенно, но и бабы на нее уже заранее не злобились бы. С некоторой тревогой Аринка подумала: какова-то окажется боярыня Анна Павловна? А вдруг тоже так же ревнива, как ратнинские? Илья-то сказывал, что в Михайловском городке она всем заправляет...

В этих тревожных раздумьях и не заметила, как добрались до лисовиновской усадьбы.

Андрей подъехал, спрыгнул с коня, кивнул ей, снял с телеги девчонок. Аринка заметила, как потрясенно смотрят на эти, казалось бы, самые обыкновенные поступки многочисленные домочадцы, что вышли во двор навстречу прибывшим.

«Да что они все уставились так? Ну, подошел, помог детей снять... Живой же человек, их же родня, а они тарачатся, словно чудо-юдо увидели...»

А вот главу рода Аринке разглядеть как следует не удалось. Видела, конечно, как он на порог вышел, с Михайлой и Андреем поздоровался, с Осьмой и Лукой заговорил, но невместно было его глазами протирать, даже и издали, тем более что заметила – он-то на нее внимательно смотрел. И не понравился ей этот взгляд – добра в нем не было... То есть вначале-то Корней взглянул в ее сторону с удивлением и явным интересом, совсем по-мужски, хоть и не было в том интересе ничего зазорного. Просто дань отдал ее красоте, не более, а потом... словно переменялось что-то, не просто муж уже на нее смотрел – сотник. Настороженно, цепко. Так врага оценивают, не бабу. И хуже всего было, что взглядом этим он ее полоснул как раз после того, как Андрей к ним подъехал...

И еще одно поразило Аринку во внешности Корнея – увечье. Как-то и в голову не приходило, что сотником может быть одноногий калека. Невольно подумалось: это ж какой духовной силы человек, что смог такое преодолеть и во главе сотни удержаться? Такой и к чужим слабостям снисхождения проявлять не станет. Так что, по всему видать, суров сотник Корней Агеич.

Вдобавок ко всем ее тревогам, еще и с девчонками сразу пришлось разлучиться. Ключница Листвяна, которая устраивала их в большой и многолюдной усадьбе, подошла к их телеге с девкой-холопкой. Та сразу же увела деда Семена и Ульяну, покосившись с опаской на Андрея, стоявшего рядом. Листвяна же, с виду вполне приятная, аккуратная и крепенькая бабенка лет тридцати, беременная, как заметила Аринка, наученная бабкой различать такие вещи, хоть

срок и небольшой еще, почтительная, как и подобает холопке к хозяйским гостям, первым делом сказала:

– Детишек велено к хозяйской внучке Елюшке свести, с ней побудут, пусть познакомятся. Не бойся, не обидят их у нас: сами и в баньку сведем, и накормим. А тебя я устрою в горнице, идем, скоро баня готова будет – с дороги помыться.

Аринка хотела было попросить, чтобы девчонок все-таки с ней разместили, но Андрей увидел ее обеспокоенное лицо и только кивнул успокаивающе. А потом легко подхватил на руки Феньку со Стешкой и сам их понес куда-то, не обращая внимания на то, какое потрясение вызвал этим среди и без того изумленно наблюдающих за ними домашних – даже Корней на крыльце замер, глядя ему вслед.

«Да что ж это! Детей им тут пугают, что ли? Как же они так его НЕ ВИДЯТ?!»

Ну, зато хоть тут можно было не волноваться – плохого с девчонками уж точно ничего не случится, если Андрей с ними.

Ключница Листвяна, надо отдать ей должное, свои обязанности выполняла безупречно: в доме царили чистота и порядок, горница, отведенная Аринке, была прибрана, постель застлана. Даже поинтересовалась, есть ли во что переодеться после бани – слышала уже, видно, что они погорельцы, вот и решила, что вовсе без вещей остались. Ну, так Аринка в дороге время зря не теряла – перешивала и переделывала кое-что из того, что в сундуках уцелело, да пересматривала то, что только слегка попорчено огнем. Что-то можно было переделать для девчонок, с чего-то можно было спороть уцелевшие кружева, дорогие пуговицы и тесьму и перешить потом на новое платье. Но добро-то их все на телеге осталось! Пришлось идти во двор, искать свою поклажу. Листвяна предлагала проводить, но Аринка отказалась – сама, что ли, дорогу не найдет? Да и не пришлось ей эта баба по сердцу – чувствовалось в ней что-то хищное, на холопку не очень похожа, вот и хотелось от нее отделаться поскорее.

Телеги, что должны были идти дальше, в крепость, не разгружали, только коней выпрягли. Козочек их, что дед Семен привел-таки с собой, временно пообещал взять к себе на подворье Илья, пока у них самих с жильем не прояснится.

На нее никто внимания особого вроде бы и не обращал, хоть во дворе много народу толклось, включая и знакомых обозников, но все были заняты делом. Аринка шла между телег, высматривая свою, и вдруг прямо перед собой увидела самое настоящее чудовище, словно ожила страшная сказка про лешего, что ей в детстве рассказывали. Она отпрянула, сердце оборвалось от ужаса: косматый горбун с висящими почти до земли руками, больше похожими на лапы, и страшный лицом, черный, заросший всклокоченной бородой. Главное же – глаза его, маленькие, глубоко посаженные, как у медведя-шатуна. Что-то звериное ей в тех глазах почудилось: кровь, смерть, жгучая ненависть. Он смотрел прямо на нее и чему-то злобно усмехался – до самого нутра пробрали ее тот взгляд и усмешка. Никогда и никто на нее так не смотрел! И, главное, с чего бы? Ведь она ему не то что ничего не сделала – и слова сказать не успела. А вместе с тем видела Аринка, страх ее перед ним он явственно ощущал и получал от этого страха удовольствие.

Захотела было крикнуть, на помощь позвать, убежать прочь, но вдруг поняла, кто это – рассказывал же Илья про ратнинского обозного старшину, Буряя. Должно быть, это он и есть, небось пришел Илью проверить как старший – тот что-то поминал об этом в разговорах. И сразу успокоилась: каким бы злодеем он ни был, но ведь не чудовище же, действительно, по делу тут – не за тем же, чтоб ее убивать, в конце концов! И она тоже хороша – шарахнулась от него. Негоже так. Взяла себя в руки, поклонилась, хоть сердце и колотилось где-то у самого горла, выдавила из себя улыбку как можно приветливее и, чтобы свой страх скрыть, заговорила:

– Здрав будь, муж честной. Прости, напугалась – не слышала, как ты подошел. Вот свою телегу найти не могу никак – не заметила, куда поставили...

Тут-то он и удивился: в медвежьих глазках промелькнуло почти человеческое выражение.

– Ты кто? – не спросил, а прорычал.

– Ариной меня зовут. С обозом в Михайловскую крепость еду. Брат у меня там учится.

– Да это с Илюхиными отроками баба едет – у татей отбили ее с сестренками! Михайло их к себе берет, – подал голос возница с соседней телеги и, не удержавшись, добавил: – Андрюха Немой над ними опекунство взял, так что теперь, считай, не чужие...

Если до того она своим обращением Буряя просто удивила, то сейчас, похоже, тот и вовсе обалдел. Даже рот приоткрылся, что, впрочем, не сделало его приятнее или добрее – таким он Аринке еще безобразней почудился, хотя казалось до этого, что больше некуда. Ох, и страшен Бурей! Не так внешностью своей страхолюдной, как душой. Страшен и темен...

Потом она видела издали, как горбун в стороне говорил с Ильей, похоже, распекал того за что-то. И Илья был мрачный и злой – впервые за все время.

Пока в баню сходила да поела – Листвяна принесла ужин ей в горницу, а не на кухню позвала – уже совсем вечер наступил, но спать ложиться было еще рано, да и беспокойно на сердце – тревожила неопределенность. Что-то там сотник решит? И Гринька с Ленькой где-то пропали – не пойдешь же их по усадьбе искать? Да и не дело шастать вот так в незнакомом доме... Оставалось только сидеть и ждать, но вдруг нарочито громко, чтоб и она услышала, где-то недалеко гаркнул хозяин:

– Листя! А ну-ка... эту ко мне приведи!

Аринка сразу подобралась: вот оно – то, чего ждала... Ну, сейчас все решится... Что ж, она была готова отвечать на любые вопросы – ей скрывать нечего.

В горнице сидели два немолодых мужа. Очень немолодых – наверняка имели уже взрослых внуков, но стариками их назвать язык бы не повернулся. Сила и бодрость в обоих не только чувствовались – в глаза бросались. Оба, без сомнения, воины – осанку мужей, привыкших держать на плечах тяжесть доспеха и сохранять при этом равновесие и подвижность, не спрячешь.

Одного из них Арина уже видела – сотник Корней, во Христе Кирилл. Могучий муж, бывший когда-то синеглазым золотоволосым красавцем, легко заставлявшим трепетать девичьи сердца. Заматерел, как видно, уже в зрелые года, ибо в кости не широк, оставался гибким и стройным, а еще... живым и проказливым. Ох, и наплакались от него в свое время девки! Еще и сейчас чувствовалась в нем неумная мужская сущность. По всему видать, погулял сотник на своем веку – не только с мечом лих...

Но и жизнь с ним неласкова была, от души побила, и если бы одной сединой да морщинами: вместо правой ноги деревяшка, а левая половина лица от брови до самой бороды изуродована шрамом от рубленой раны – как глаз-то уцелел?

«Но все равно не угомонился! Ишь, глазом-то как блестит! Интересно, хозяйка здесь есть или холопка какая за хозяйку распоряжается?»

И грозен, ох, грозен – воплощенная смерть. Не страшен, а именно грозен – не пугает, а таков по жизни.

Второй... А вот этот страшен! И тоже не пугает, но... Не бывала Арина на языческих капищах, не видала идолов, а сейчас поняла: вот такие они, идолы, и есть. Каменное спокойствие и полное равнодушие – решит, по каким-то своим, совершенно непостижимым причинам, что должна ты умереть, и умрешь, а он и не вспомнит о тебе через миг; решит оставить жить – просто оборотится к чему-то другому, будто и нет тебя вовсе!

Но собой тоже хорош, хоть и не так, как Корней. Еще и сейчас видна в нем суровая красота, которой и года не помеха. Тоже обилен сединой, тоже могуч, но в кости широк, хотя и не кражист. И есть в нем что-то такое... Непонятно как, непонятно чем, но дополняют они

друг друга: чего недостает у одного, того в избытке у другого. Счастлив Корней, щедро его одарила судьба: этот, второй – не просто друг и соратник, а вторая половина его сущности! Наверняка с детства соперничали, ссорились, дрались, но друг без друга не могли. И сейчас ей перед обоими, а не перед одним только сотником стоять придется!

Все это Арина охватила единым взглядом, едва войдя в горницу (спасибо бабкиной науке), глаза же на мужей поднять поостереглась: невместно, грубость – перед старшими в землю смотреть надлежит, пока не спросят о чем-либо, а уж тогда, отвечая, открыто глядеть. Неизвестно, как у них тут заведено, но старый обычай не подведет, он повсюду в силе, да и новый ритуал ему не прекословит.

Аринка перекрестилась на красный угол и склонилась в поясном поклоне, коснувшись пальцами правой руки пола.

– Здравы будьте, честные мужи!

– Кхе! Крестится, а на одеже знак Лады... И у Андрюхи глаза... не то шалые, не то пьяные. Приворожила, что ли? А? Аристаша, что скажешь?

– Не шалый он – томный.

– Томный, едрена-матрена... А не один хрен? Уехал Андрюха обычный, а вернулся... Ты его таким видал хоть раз?

В горнице повисла тишина, только время от времени раздавался какой-то непонятный звук, словно скребли деревом по дереву. Аринка слегка подняла глаза и увидела, что это Корней елозит по полу деревяшкой, заменяющей ему правую ногу.

«Нога у него болит. Так бывает – руки или ноги нет, а болит или чешется. Говорят, сущее мучение. И не лечится это...»

То, что мужи не ответили на ее приветствие, Арину не обидело и не напугало – старшие в своем праве. То, что разговор начался с обвинения в ворожбе, тоже не удивило. Принять в общину чужого человека – дело непростое. Сначала решается не то, чем он может быть полезен – это выяснится потом, а не несет ли он какого-то вреда или опасности. Это все Арина понимала и была готова, но вот то, в чем именно ее заподозрили...

«Господи, да с чего они решили, что я Андрея приворожила? Да и кто еще кого приворожил? Или из-за опекуинства это все? Хозяин, видно, недоволен, что Андрей, его не спросясь, чужих в род ввел. Тут он в своем праве...»

А может, наговорил кто? Только ведь не ко мне он в обоз приезжал, к девчонкам, я-то и мига с ним наедине не оставалась. Когда ворожить-то было? И как тут оправдаться? Как объяснить, что не умею я этого, а и умела – не стала бы. Счастье навороженным не бывает... Слова бесполезны, словами этих двоих не проймешь. Пожелают ли разобраться и понять или сразу отрубят?»

И не за себя даже испугалась – за него...

«А Андрей? С ним-то что будет? Ведь он от нас не отступится...»

Деревяшка снова поскребла по полу, а с той стороны, где сидел второй, названный Корнеем Аристашей, распространилось...

Учила бабка Аринку чувствовать окружающие предметы, не прикасаясь к ним и не глядя на них. Учила долго и говорила, что умение это важно. И вот сейчас... Исходило от Аристарха ощущение не как от живого существа, а похожее на чувство, порождаемое остывшей печью – холодной, пустой, очищенной от золы, с выветрившимся запахом когда-то готовившейся в ней пищи. Неколебимое спокойствие, холод и пустота. Даже не просто пустота, а темная глубина ловчей ямы: сама не набросится, но терпеливо ждет, когда в нее свалится неосторожная добыча.

– Ну, чего молчишь-то, Аристаш?

– Смотрю...

– Кхе! И чего видишь?

- Ничего... пока... А ты чего узнать хочешь-то?
- Я хочу знать: хозяин ли себе Андрюха, или эта его уже...
- Вот и звал бы Андрюху...
- Репейка!!! А ну, кончай выдрючиваться! Я вас всех сейчас...
- Утомонись. Я же тебя не учу, как сотню водить, вот и ты меня...
- Учишь!
- Ага. А ты меня так всегда и слушаешься.
- Бывает, что и слушаюсь...

«Игра! Старая, много раз испробованная... как ловушка с приманкой. Разговор как будто пустопорожний – вроде бы промеж себя препираются, но оба настороже. Фома тоже так умел, хоть и по-другому – улыбался, вина подливал собеседнику, забавные случаи вспоминал, а сам, как натянутая тетива, был... Эти не натянуты, но похоже очень...»

– Вот и сейчас послушайся, Кирюш... Погляди-ка на нее сам... внима-тельно так погляди, умеешь же.

- Кхе! Ну... гляжу.
- И чего видишь?

– Баба, вдова... молодая, пригожая, ликом приятственна... Кхе! Даже очень приятственна! Шея, гляди-ка, без морщин, свеженькая еще... грудь высокая, налитая... упругая вроде бы... Кхе!

«Нарочно злит... Нет, не поддамся, не на ту напал!»

– Стан тонок, гибок... – продолжал Корней таким голосом, что казалось, вот-вот причмокнет губами от удовольствия. – Бедрa широки, ноги длинные... э-хе-хе...

Корней по-стариковски закричал, и Арина догадалась, что он склонился на сторону, пытаясь разглядеть ее сбоку. Не удержалась и стрельнула глазами на сотника. Лучше б не смотрела – аж передернуло от отвращения! Знала она такие мужские взгляды – словно раздевают грязными липкими руками, так и хочется после этого чистой водой омыться. Но Корней-то, на первый взгляд, вроде бы не из таких...

– Кхе! Не рожала еще... но сласть плотскую познала... позна-а-ла! – Корней заметил, что Арина подглядывает, и его взгляд мгновенно переменялся: так смотрят, когда выбирают место для удара. Видят все сразу: на какую ногу тяжесть приходится, куда взгляд направлен, какая часть тела напряглась, обозначая начало движения... На врага так смотрят! Тело сработало само (опять наука пригодилась) – приготовилось уйти от удара, как только станет заметно его начало.

– Но с норовом бабенка... с норовом и... Андрюха, не суйся! Пшел вон, я сказал! – позади Арины стукнула закрывшаяся дверь. – И под дверью не топчись, на двор ступай! Не, ты видал, Аришаша? Ты вообще себе представить мог, чтобы Андрюха когда-нибудь под дверью подслушивал? Едрена-матрена, да что ж это делается?

От одной мысли, что Андрей слышит все это, у Аринки сердце зашло.

«Ну ладно, я им никто – чужая, а он-то... Илья говорил – вернее его нет никого у сотника, а он его так... За что? Ведь он же к нам только потому потянулся, что у него семьи нет и не было никогда толком. Корней же его, как холопа, гоняет. Привык, что Андрей ему как пес предан, вот и относится, как к псу, словно он и не человек вовсе и все человеческое ему заказано!»

– Что делается, то и делается, Кирюш... Ну? Нагляделся или до дыр просматривать будешь?

- А вот и не нагляделся! Приятно больно. Когда еще доведется... Кхе!
- Ну, гляди дальше, нам ведь не к спеху?

Арине показалось, что в почти до безжизненности спокойном голосе Аристарха послышалась насмешка.

«Ну почему они не понимают-то? Оттого Андрей так переменился, что мы у него теперь есть. Именно мы, а не я... Хотя я-то все бы отдала, кабы это из-за меня... Приворожила! Чего тут ворожить-то? Сам-то как на свою внучку намедни глядел? Видно же – веревки она из него вьет, а Андрей ему, что – чурбан бесчувственный?! Да и не привораживать Андрея надо, а развораживать... Есть вроде бы что-то такое...»

– Дальше, дальше... едрена-матрена. Тоже мне, таинства великие! Горда, но не заносчива – себя понимает. Не ломали ее... или не смогли. Страху умеет не показывать – телу воли не дает, держит в узде. Учили, видать, хорошо, да и наставник хорош был... очень хорош, едрена-матрена. Да, так вот... Руки... руками не суетится, голова, шея... Кхе! Ну, прям, царица – умеет держать. Стоит... едре... Аристарх, да она же не стоит – струится, как воин! Вроде и неподвижна, а постоянно перетекает!

– Вот-вот... А ты: «грудь налитая»... Ты бы еще про лоно мне рассказал, вот бы я заслушался!

Теперь насмешка в голосе Аристарха была уже совершенно явственной.

«О чем это они? Ну да, бабка учила стоять и дышать правильно, да и батюшка с дядькой Путятой, когда науке охотничьей обучали... а перетекает-то что? И причем здесь воины?»

– Ну и язва ты, Аришаша... А ну-ка, девка... Тьфу, баба... как тебя... Арина, ну-ка, глянь-ка на меня.

И не надо бы, но Аринка не удержалась и, глянув Корнею в глаза, попыталась «прочитать» его, как обычно делала это с незнакомыми. И... если и «перетекало» что-то в ней, как сказал сотник, то мгновенно заledenело: смерть в тех глазах была! Ужас и тоска умирающего... нет, умирающих – десятков поверженных воинов!

– Кхе! Ишь, разбежалась курочка... Не ждала такого? Познать она меня собралась, едрена-матрена... – Корней неожиданно перешел на крик. – Дура!!! Девчонка безмозглая!!! Меня еще сопляком в глаза умирающим глядеть заставляли!!! Ну? Понравилось?!!

Мог бы и не рвать горло, по сравнению с увиденным (или почувствованным?) никакие слова страшными быть не могли.

– Гляди, стоит, – Корней снова заговорил нормальным голосом. – Аришаш, ты только глянь: себя не помнит, а не сомлела!

– Хм... А на меня? На меня глянь, вдовица Арина!

Не подчиниться было невозможно. Казалось бы, страшнее быть уже не может, но это только казалось. Из глаз Корнея Ужас на Арину кинулся, а через глаза Аристарха Ужас Арину к себе потянул. Не было там смерти, не было страданий умирающих, не было вообще ничего, и это НИЧТО тянуло, засасывало... Как удержалась, откуда взялись силы сопротивляться притягивающей бездне?..

И вдруг отпустило ее. И оказалось, что на месте той жути, от которой тянуло холодом и хищной пустотой ловчей ямы, сидит обычный немолодой муж и весело (ВЕСЕЛО!) подталкивает сотника Корнея локтем в бок.

– Поляница²! Слышь, Кирюха: поляница!

– Кто? Она?

– Да не сама она, конечно, но в роду поляницы точно были! Давно, но были.

– Ну?... Кхе! Вот оно, как, значит... То-то я гляжу... Слушай, а знак Лады?

– Да я тоже поначалу засомневался, а как ты сказал, что ее хороший наставник учил, так и дошло, наконец. Учил ее кто-то от Лады. Как уж так получилось, сказать не возьмусь, но думаю, что жрицу Лады из нее делать и не собирались, нет в ней ведовства – даже не начинали учить. Другое тут. Понимаешь, Кирюша, это ж редкость по нынешним временам – наследственный

² Поляница – богатырша (древнеславянск.).

дар поляницы. Пусть и слабый, не полный, но ведь от рождения же, в крови растворенный! Видать, узрела какая-то жрица цветов редкостный, да и решила не дать ему дичком вырасти – взлелеяла, хоть и не на ее стезе тот цветок проклюнулся.

– Кхе... значит, не ворожея. А Андрюха-то? Неужто сподобился наконец?

– Повезло, видать... поляница-то в ней не все время видна.

– Да-а... повезло – узрел Андрюха в ней богатырское начало. Был там случай один, Ари-сташа... потом расскажу.

Корней на краткое время замолк, словно что-то обдумывая, потом заговорил снова:

– Вот что, Арина. Какими мы можем быть, ты поняла... Вижу, что поняла. А потому стращать тебя не стану, но помни: за Андрея с тебя спрошу, как за родного сына. Молчи, не отвечай! М-да... Кхе! Ну, а ежели сладится у вас... одним словом, если... в общем, хорошо пойдет...

– Одним словом, – перебил Корней Аристарх, – если осчастливишь нам парня...

– Да, верно! Так вот: дочерью родной для меня станешь! Ни в чем тебе отказа не будет! И опять молчи! Не надо ни отвечать, ни обещать ничего. Не порти нам с Аристашей... Кхе! Трепалом бабьим... Короче, ступай и помни. Ступай, я сказал!

На негнущихся ногах, забыв поклониться на прощанье, Арина вышла из горницы, но соображения не притворять до конца за собой дверь у нее все же хватило. Остановилась и замерла, прислушиваясь.

– Кхе! Ну и на хрена тебе весь этот циркус понадобился? А, Аристаш?

– Так скучно же, Кирюха, в кои-то веки лицо новое увидишь, а тут такая жемчужина, едрена-матрена!

– Эй-эй! А ну, не трожь чужого!

– Едрена, Кирюха, матрена! И никак иначе! Нет, ты понял? В самый раз баба для Андрюхи! Я уж и надеяться перестал...

– Кхе! Я тоже... По этому бы случаю... А?

– А что? Можно! Даже нужно!

Дальше слушать стало уже неинтересно, да и ледяной холод в груди, оставшийся после «разговора», оттаять можно было только возле НЕГО.

И только тут до Аринки дошло, что она услышала.

«Господи! Что это они сказали-то? Что я Андрею подхожу... Корней Агеич вроде даже и обрадовался... Зря я на него так-то – ведь он за Андрея, похоже, переживает, потому и со мной возился – разбирался; иначе, пожалуй, просто бы все решил... Дочкой, говорит, будешь, коли сладится... Да я и сама для того, чтобы сладилось, что угодно сделать готова... А Андрей? Он-то там как? Да он же тоже извелся, поди! Корней Агеич ему на дворе велел ждать».

Хотя сердце все еще колотилось от пережитого и ноги передвигались, словно чужие, но Аринка собрала все оставшиеся силы и взяла себя в руки, перед тем как выйти на крыльцо хозяйской избы. Негоже Андрею даже намек дать на то, что ей довелось пережить в горнице наедине с двумя этими мужами – не надо ему того знать.

Андрей, как и было велено, стоял во дворе возле самого крыльца. Увидел Аринку – к ней подался. И в глазах тревога такая, что ей жутко на миг стало: ко всему он готов. Но это напряжение почти мгновенно сменилось облегчением.

«Видно, и он понимал – если что, мне оттуда не выйти живой... Господи, что бы он тогда сделал? Похоже, и сам не знает. Ой, слава богу, что Аристарх понял все правильно».

И опять не за себя – за него испугалась, хоть уже и задним числом. И ей бы не помог, и сам бы пропал.

Шагнула к нему навстречу, улыбнулась, отвечая на вопрос в его глазах:

– Хозяин-то ваш... строгий, но добрый. Расспрашивал меня самолично... Ну, так и понятно, мы-то люди чужие, незнакомые, да с Гринькой он, наверное, уже побеседовал. Спасибо тебе, и впрямь как родных нас здесь принимают! – увидела, что Андрей от ее слов совсем успокоился, и перевела разговор на другое:

– А как девчонки?

Андрей коротко глаза прикрыл.

– Спят уже? – догадалась Аринка. – Поладили они с Елюшкой?

Андрей кивнул, и в глазах словно солнце отразилось – такими яркими они стали.

«Господи, и они из-за этого решили, что ворожба на нем? Аристарх сказал – томный...

Думают – из-за меня... ой, если бы и из-за меня тоже...ну хоть чуточку...»

Ноги все еще еле держали Аринку – после пережитого в горнице и не удивительно, но рядом с ним это тяжелое и страшное воспоминание отступало, отпускаяло, и приходило ему на смену осознание того, что приняли ее. Приняли!!!

«Корней Агеич и Аристарх этот... а ведь не попа позвали разбираться – сами. И Аристарх... кто он? Ну, что староста – понятно, Илья про него поминал, а все же? Ой, мамочка... ведь не просто друга и соратника позвал сотник Корней, а того, кто действительно МОГ понять про меня и про Ладу... И ведь он в самом деле УВИДЕЛ, что нет во мне ведовской силы... Вот оно – то, чего так испугался тогда Илья. Ну, про это и спрашивать не надо, и упаси, Господи, кому-то дать понять, что догадалась о чем-то. Ладно, хватит об этом, не важно оно уже. Главное – Андрей... вот он, тут, рядышком. Здесь его мир, а значит, и я его приму таким, как есть, со всеми его законами и обычаями».

И вроде все уже сказано, но она медлила, не хотела уходить – уж больно хорошо ей рядом с ним было.

«Ну, возьми меня за руку, да уведи куда-нибудь... просто побыть с тобой еще чуть-чуть...»

И Андрей не уходил, смотрел на нее... И как смотрел! Не отпускали ее эти глаза... Но сам и шага навстречу не сделал.

«Да что же это: и не отпускает, и не зовет... И... тоже молчит. Если бы сказать что-то хотел, я бы поняла – нет, просто смотрит».

Она чувствовала, что слишком долго медлит, уже и неприлично вот так-то стоять, а сделать не могла ничего. И не хотела!

«Кто из нас кого заморозил-то?»

Вдруг что-то с грохотом покатилося по двору. Арина вздрогнула и невольно взглянула в ту сторону, да и Андрей тоже обернулся. Оказалось, девка-холопка какая-то, споткнувшись, упала и выронила ведро, которое несла, оно и загромыхало. Аринке показалось – это потому, что их увидела, не иначе, оттого, должно быть, и споткнулась. А с чего бы тогда холопка эта, стоя на четвереньках, пялилась в их сторону с открытым ртом и вытаращенными глазами, но под взглядом Немого тут же побледнела, ойкнула и поспешно кинулась поднимать свое добро.

И вдруг с тихим ужасом поняла – не одна эта девка... Во дворе же народу полно! И все на них смотрят, да как... Это что же, значит, они у всех на глазах так-то стоят незнамо сколько? Даже при воспоминании об этом у нее щеки огнем загорелись, хоть лицо платком закрывай да прочь беги. Только бабкина наука и выручила – справилась с собой, улыбнулась, как ни в чем не бывало.

– Пойду я, Андрей, поздно уже...

Он тоже очнулся, кивнул ей в ответ. С тем и разошлись.

Если бы даже Корней и не сказал вчера ничего, оставил Арину в неведении о ее дальнейшей судьбе, то сегодня по одному только обращению с ней холопов да приветливости прочих домочадцев все стало бы понятно. Но КАК при этом на нее смотрели! Еще бы – наверное, уже

все слышали про их с Андреем вчерашние гляделки во дворе. Но ведь здесь-то он среди своих, а что же будет, когда и остальные узнают? В том, что узнают, и сомневаться не стоило, вчера уж, поди, постарались и обозники, и ратники, что в походе были.

Что она не ошиблась, стало ясно сразу же, когда пошли в церковь. Хоть и много собралось народу – все домашние, уже знакомые отроки, Илья с семейством, Осьма – всех не перечислишь, и Аринка надеялась, что затеряется среди них, однако взгляды ратninцев, встреченных ими на улице, безошибочно вылавливали именно ее и жадно ощупывали – она кожей их взгляды ощущала. Спасибо, с двух сторон брата, Ленка с Гринькой, были, да и Андрей тут же поблизости от них шел и, если ловил косой взгляд, брошенный в ее сторону, то так отвечал, что кое-кто и крестным знаменем себя осенить норовил.

Да и свои тоже косились, хотя и исподтишка. Впрочем, свои-то больше с любопытством, кроме разве что Татьяны – невестки Корнея Агеича. Вот она явно отнеслась к новообретенным членам рода без восторга. Скрывала свою неприязнь, не смела, видно, свекру перечить, но такое Аринка всегда чувствовала. А вот мужа ее почему-то не было. Где он, интересно? Жена беременная, видно же, что трудно ей ходить – хоть и срок небольшой еще, а уже отекала вся, отяжелела. Листвяна-то тоже беременная, а будто летает.

Поймала себя на этой мысли и тоскливо вздохнула – сама-то судить не может, беременной так и не была, а ведь как мечтала родить Фоме сына! Бабка ей говорила, что рожать будет много и легко. Неужто ошибалась старуха? Нет, не могла! Уж это-то она точно знала и без ведовства – к ней за помощью все село тайком от попа бегало, особенно с женскими недугами. Почему же тогда Арина так и не родила за два года? Неужто в Фоме дело было? Такое тоже случается, да ни один муж в том никогда не признается, даже самому себе.

В церковь пришли и все знакомые уже Аринке ратники с семьями. Благодарственный молебен по случаю удачного возвращения из похода, внезапно обернувшегося из торгового почти что воинским, грех было пропустить. А Аринка и за погибших родителей, и за домочадцев еще раз хотела помолиться, свечку за упокой перед иконами поставить. К тому же здесь, в Ратном, в церкви не было отца Геронтия, которого она и раньше не жаловала, а уж теперь и вообще видеть не смогла бы. Хоть и стала, благодаря Михайле, несколько иначе глядеть на то, что он делал, но все равно не примирилась с этим, а потому радовалась, что теперь не придется каждый раз при входе в храм встречать неприятного попа. Вера-то Христова ей была близка и понятна – мать из книг церковных много читала, да и бабка не отвращала, наоборот, всегда говорила: вера Христова и есть Любовь, и Любовь эта миром правит. А церковь... что ж, церковь – это только люди...

Ратнинский пастырь отец Михаил оказался совсем не похожим на тех, что ей довелось раньше встречать, хоть дома, хоть в Турове, где тоже приходилось каждое воскресенье ходить на службу, а раз в полгода – к исповеди. Да и Илья в дороге рассказывал, что их священник человек достойный, ученый, а главное, его Михайла чтит как учителя. Аринка уже убедилась, что этому необычному отроку вполне можно доверять – в людях он разбирается так, что иному взрослому мужу недоступно.

Не то чтобы она так уж сразу доверием к батюшке прониклась, но почувствовала – искренен отец Михаил. Не по обязанности произносит заученные слова молитвы, а с душой и трепетом, все сказанное через свое сердце пропускает. И голос у него приятный, душевный, вот только сам он бледен, сух и немощен совсем – навряд ли болен.

Впрочем, она и половины не слышала – в церковной тесноте стояла, почти уткнувшись в спину Андрея, и могла думать только о том, чтобы к нему прижаться посильнее, будто ненароком! Не решилась, конечно, но от этой близости, почти касания, когда вот он, рядом – от ее дыхания слегка колыхалась ткань его рубахи – ей голову кружило сильнее, чем от хмель-

ного вина. А потому она почти и не заметила, как служба окончилась и все стали потихоньку расходиться.

Она и сама уже стала к выходу пробираться вместе с братьями и Андреем, да тут к ней Татьяна подошла и тихонько головой в сторону священника качнула:

– Отец Михаил тебя позвать велел... поговорить хочет. Мы тебя на улице подождем.

Аринка согласно кивнула и пошла к попу, досадуя про себя – не ко времени... Ей и вчерашней беседы хватило, отойти бы... Конечно, отец Михаил все равно захотел бы с новой прихожанкой поговорить, но она надеялась, что он не приметит ее сразу в толпе, дождется следующего прихода, но пастырь не стал откладывать в долгий ящик встречу. Аринка, грешным делом, думала, что и он привяжется к знакам Лады на вышивке, однако отец Михаил заговорил о другом:

– Слышал я уже, дочь моя, о беде, постигшей вас, – с искренним сочувствием сказал отец Михаил, когда Аринка, смиренно опустив глаза в пол, подошла к пастырю. – И молился уже о душах невинно убиенных рабов Божьих. Перечисли мне их имена, данные при святом крещении, чтоб я в поминальник включил. Надеюсь, все они христианами были?

Арина искренне поблагодарила, назвала имена родителей и домочадцев, погибших при налете, немало при этом удивившись – не ожидала, что здешний священник окажется столь заботливым и будет так печься о совершенно неизвестных ему людях, даже и не его прихожанах. Попросила только поминать отца ее, раба Божьего Игната как воина. Бился он с татями оружно, при мече и щите и умер, как воин.

Отец Михаил поглядел на нее удивленно и без одобрения, вздохнул:

– Ты, я вижу, дочь моя, убийство за доблесть считаешь? Но ведь если бы он не поднял оружие, глядишь, столько невинных душ и не погибло бы. Тати грабить шли, Бог дал бы, пощадили бы и твою матушку, и других домашних... Да и он бы сам, может, жив остался...

Аринка почувствовала, как при словах, которые уж никак не ожидала тут, в воинском поселении услышать, пусть и от попа, в душе у нее поднимается раздражение, но понимала – невместно спорить со священником, тем более в церкви, на людях, да и не докажет она ему ничего... Потому глаза спрятала, промолчала. А он продолжал:

– Да и сама не хочешь, вижу, в грехе человекоубийства раскаяться. Двоих ты убила, две души нераскаянные погибли.

Тут уже она не выдержала, хотя тоже ответила не так, как рвалось с языка:

– Защищалась я, отче. Один был убийцей моего отца, а второй... второй меня бы убить мог, кабы не опередила я его. Грех ли это?

– Грех! – убежденно сказал священник. – Убийцу отца твоего ты убила, когда он тебе самой уже не угрожал ничем, а мстить христианам не должно. Ибо сказано: «Мне отмщение, и аз воздам!» И тебе ли постичь промысел Божий? Вдруг да раскаялся бы убийца, душу свою спас? Ты же его этого лишила... А второго... Защищалась, говоришь? А не ты ли тех татей сама раздразила своим непотребством?..

Ух, как Аринка разозлилась! И обидно стало до слез. Ну, ее поступок по достоинству только воины и могли оценить, а этот... только подол задранный и увидел. Кабы не люди вокруг, она бы попу ответила!.. Но нельзя было, нельзя...

– Юдифь, чтобы голову своего врага добыть, и вовсе прелюбодеяние с ним совершила, и не считается то грехом...

– Так ты Юдифью себя возомнила? – поджал губы батюшка. – Гордыня...

– Даже в помыслах не было, – скромно потупилась Аринка, хоть внутри у нее все кипело от злости на этого святошу. – Но ее пример, отче, дал мне силы решиться на этот шаг.

– Сама не ведаешь, что говоришь! – отец Михаил сурово покачал головой, но тему сменил. – Знаешь ли ты молитвы какие?

– Да, отче, – Аринка стала перечислять молитвы, какие заучила еще с матерью. Перечень был солидный, и отец Михаил явно подобрел. Но епитимью наложил – сколько-то поклонов отбить, молитв прочесть да поститься три дня. Аринка и не спорила.

Наконец она смогла выйти из церкви и даже дух перевела с облегчением – ну, все, кажется... Поп ее разозлил своими нравоучениями и разочаровал. А она-то вначале понадеялась, что хоть тут священник окажется не похожим на ранее ею виденных, даже какое-то расположение к нему почувствовала. Но теперь он ей сразу отца Геронтия напомнил – видно, все они одинаковые. Конечно, чтобы не навлечь беду на себя и на всех вокруг, очиститься-то от пролитой крови надо было, раз больше не у кого, тут уж ничего не поделаешь, но почему она должна еще и раскаиваться в убийстве татей, Аринка понять никак не могла! Хорошо, что церковь в Ратном, а они будут жить в крепости. Не часто, должно быть, туда пастырь-то навещается. Ну и слава богу! А молиться... молиться она и так сможет; Гринька сказал, часовенка там есть, да и священные книги и несколько икон уцелело из отчего дома, с собой привезены.

К счастью, едва выйдя из церкви, которая уже не казалось ей такой уютной и благодатной из-за неприятного осадка от слов отца Михаила, первое, что Аринка увидела – Андрея и своих девчонок возле него. И сразу так легко и покойно на сердце стало, что сама себе удивилась. Впереди еще была дорога в Михайлов городок, там предстояла встреча с боярыней Анной Павловной, о которой ей братья все уши прожужжали, но почему-то теперь была уверена – наладится их жизнь, ну не может не наладиться!

Ехать в крепость предстояло только после обеда, а из церкви они вернулись еще до полудня. Сешка с Фенькой переглянулись и, перебивая и дополняя друг друга, затараторили:

– Арин, можно мы с Елькой пойдем поиграем?

– Ой, Аринка, а у Ельки та-акие куклы есть – мы таких никогда и не видели!

– Она нам вчера обещала показать, какие она наряды своим куклам сшила!

– Арин, а можно нам тоже будет таких сделать?

«Ну, раз про кукол заговорили, значит, и правда, переживать меньше стали. И слава богу! Девчонки должны с куклами играть, иначе что это за женщины вырастут?»

– Ну, если вас хозяйка позвала, то отказываться негоже, – Аринка обняла младших сестер, прижала к себе на миг, потрепала их по волосам. – Идите, играйте, только из усадьбы не уходите, нам скоро дальше ехать.

Обрадованные сестренки чмокнули ее – одна в щеку, другая чуть не в ухо, и убежали, продолжая что-то возбужденно щебетать про необыкновенных кукол и их наряды.

«Вот проныры – уже знают, где тут что есть! И не путаются – вон как уверенно поскакали. Ну да ладно, Листвяна твердо сказала, что их здесь никто не обидит – после решения главы рода. Пусть играют. Наряды, наряды... Вытащить мне, что ли, из телеги какое-нибудь рукоделие да заняться, пока время есть? Там много чего переделывать придется, будут еще девчонкам лоскуты для кукол...»

Не успела, однако, Аринка дойти до телеги, как ее окликнул Илья. Он стоял в воротах лисовиновской усадьбы рядом с женой Ульяной – невысокой полноватой женщиной, которую она уже видела сегодня в церкви и еще там разглядела внимательно. Илья и сам ей понравился, и жена его была какой-то... основательной, что ли, надежной; веяло от нее домашним уютom и теплом, хоть и заметно было, что жизнь бабоньке давалась нелегко: не старая еще, но лицо покрыто густой сетью морщин, на руках жилы выделяются – следы тяжелой работы, да и одежда не то чтобы не богатая, а совсем простая.

«Странно, Илья-то у Михаила обозный старшина – не последний человек... Но, видно, достаток в семье недавно появился, и Ульяна к нему еще привыкнуть не успела. Рубаха хоть и старая, но чистая... а платок новый, недавно куплен. И привески на груди тоже новые, да еще и христианские, с образками... Может, муж только вчера привез?»

На круглом добродушном лице жены обозного старшины сейчас откровенно читались неуверенность и смущение. Она оглядывалась вокруг, как будто впервые здесь оказалась, нервно теребила в руках концы нового платка и заметно жалась к мужу, который и сам-то не слишком свободно чувствовал себя на лисовиновском подворье.

«Значит, не только со мной – со всеми грозен сотник, раз даже ближние перед ним трепещут. Ладно – Ульяна, но сам-то Илья крестным братом Михайле доводится, а как будто робеет. У батюшки-то на дворе и односельчане себя так не держали, а уж тем более те, кто своими считался».

– Ну что, Арина Игнатовна, говорят, поздравить тебя можно? Все Ратное от слухов бурлит: сотник Корней чужачку в род, почитай, принял.

Аринка, однако, ответила на шутливую подначку Ильи неожиданно серьезно:

– Да нет, дядька Илья, не принял, просто дал понять, что препятствий чинить не будет, а уж как оно дальше сложится – от меня самой зависит. Покажу себя достойной, тогда и о приеме в род разговор можно будет заводить. Только вот...

– Что – только? – не замедлил с вопросом старшина обозников.

– Понимаешь, дядька Илья, сомнение меня берет. Слов нет, быть принятой в род Лисовинов – честь немалая, но не хочу я, чтобы девчонки и про свой род, про родителей наших забывали! Вот и ломаю голову, как тут быть.

– А что тут думать? – удивилась молчавшая до сих пор Ульяна. – Испокон веков бабы из рода в род переходят – что ж тут такого-то?

– Ну, если только за этим дело стало, – понимающе усмехнулся Илья. – Да, а чего это ты одна по двору бродишь? Сестренки-то твои куда делись?

– К Ельке побежали – кукол каких-то смотреть.

– На них уж все село насмотрелось, – засмеялась Ульяна. – Ну да они того стоят: их Михайла измыслил да сам же и сделал. Деревянные, внутри пустые, друг в друга вкладываются – ну, прям семья целая. Сейчас похожие, попроще только, у нас в лавке стоят.

– В какой лавке?

– Так у нас недавно туровский купец Никифор, Михайле нашему родной дядька, лавку завел, его приказчик здесь распоряжается, – с гордостью, как будто лавка была его собственная, ответил Илья. – У нас хоть и не город, но все ж таки и не дыра глухая.

Ульяна дернула мужа за рукав рубахи, он на мгновение сбился, нахмурился, но потом кивнул жене:

– Да помню я, помню все... Арина, баба моя совсем меня извела: скажи ей да скажи, чем это таким козочки ваши, что я вчера на подворье привел, от других отличаются, да как за ними ухаживать, да чем кормить. Расскажи ты ей, Христа ради, а то ведь я сам от таких расспросов козлом заблею.

– Да уж, козы у нас редкие. Батюшка самолично их откуда-то издалека привез, сказывал, еле сговорил хозяина продать ему такое диво. Не будут они вам в тягость-то? Уход за ними особый и не требуется, да и не надолго это – всего на несколько дней только, пока на новом месте не устроимся.

– Да что ты, какая там тягость. Я о другом думала – у нас в Ратном таких никогда не было, не загубить бы ненароком.

– Ладно, бабоньки, вы тут и без меня языки почешете, а мне недосуг – Корней поговорить о чем-то со мной хотел за обедом, а то уж ехать скоро, – с важным видом заявил Илья и скрылся за дверью избы.

«Ульяна-то вслед ему глядит хоть и с улыбкой, но видно же, что гордится мужем. Видать, есть за что. А про коз-то она, похоже, для начала разговора просто спросила – Илья еще в дороге присматривался, как дед Семен с ними управляется. Ну, так знакомство

с Ульяной и мне не вредно совсем, да и по сердцу оно. Сразу чувствуется – она баба разумная и тоже в крепость переезжает, соседями там будем...»

– Не покажешь мне, где у вас лавка-то? – Аринка обернулась к Ульяне. – Посмотреть хочется. У нас в селе не было; батюшка, ежели кому что надобно, привозил из города по заказу, да коробейники захаживали.

– Так и у нас раньше не было. Сотник устроил! – с явной гордостью похвалилась Ульяна. – Теперь не хуже, чем в Турове – всегда надобное купить можно. Я вот собиралась зайти сегодня – соли прикупить перед переездом да еще кое-что по мелочи. Из крепости-то не наездишься, а все с собой туда тоже не перевезешь – здесь у нас холопы остаются, за хозяйством присматривать, пока урожай не убрали.

– Я тоже, может, чего пригляжу в хозяйство, собирались-то впопыхах, – оживилась Аринка.

– А что ж? Пойдем, конечно! – видно было, что тут, на лисовиновском подворье, Ульяна чувствовала себя немного не в своей тарелке, ну, и показать Ратное приезжей, о которой все село гудело, ей было лестно: то-то сплетницы обзавидуются.

Перед тем, как уйти, Аринка остановила пробежавшую мимо холопку:

– Передай ключнице, что я с Ульяной в лавку схожу, вернусь скоро. Пусть сестренки мои не тревожатся, если что...

Девка только кивнула, а обе женщины вышли за ворота и не торопясь пошли по улице, продолжая вроде бы пустой, ни к чему не обязывающий разговор, после которого, однако, многие становятся подругами на всю жизнь.

– Так что там ты про кукол начала рассказывать?

– Ну как же: как сделал их Михайла да подарил Ельке, она с ними, почитай, и не расстанется: постоянно возится, спать, говорят, с ними ложится, разве что в бане их не моет, боится – краска облезет.

– И что тут такого? Все девчонки с куклами играют, мои сестренки тоже...

– Э, нет, тут другое дело – куколки-то те семью изображают, специально так сделаны, от старшей до самой маленькой. А Елька с теми куклами не расстанется... Бабы-то как приметили это, так у колодца языками и заработали: понятно же, что неспроста это – детская душа чистая, безгрешная, вдруг да наворожит она в семью еще младенцев.

– Ой, и вправду! – от удивления Аринка даже остановилась. – Татьяна-то, невестка Корнея Агеича, в тягости. Видела я ее сегодня.

– И не только она, – многозначительно отозвалась Ульяна. – Листвяна тоже.

– Вот оно как... Значит, не забылась еще эта детская ворожба, помогает бабам. У нас-то в селе про нее, почитай, и не вспоминали, поп бы замучил укорами да епитимьями... а мне бабка моя сказывала... Ну так и дай Бог им обоим здоровых младенцев.

Аринка с Ульяной одновременно перекрестились, переглянулись с улыбками и пошли дальше.

Надо заметить, что с появлением в Ратном лавки жизнь завязтых сплетниц несколько затруднилась. Если раньше собирать и разносить новости можно было у колодцев, у церкви да на мостках, где белье стирали, то теперь к этим местам добавилась еще и лавка, возле которой даже по летнему времени, несмотря на страду, почти всегда было с кем от души почесать языком. Варвара, самая главная ратнинская сплетница, после ее открытия буквально разрывалась на части, ежедневно решая очень непростую задачу: куда пойти в первую очередь? Вопрос «А надо ли идти?» – перед ней не стоял никогда. В тот день она угадала правильно. Во всяком случае, сначала она подумала именно так...

Далеко идти и не надо было: лавка, оказывается, располагалась совсем рядом с лисовиновской усадьбой, в бывшей избе Андрея – Ульяна мимоходом упомянула об этом, и у Аринки от одного этого, совсем пустякового вроде бы замечания потеплело на сердце. Хоть и не его уже это дом, но ведь она войдет туда, где был ЕГО родной очаг... словно благословения попросит. Может, когда-нибудь и доведется самой для него огонь развести? Дай-то Бог...

Долго радоваться, впрочем, ей не пришлось: стоило им только подойти к распахнутым воротам, как Ульяна замедлила и без того небыстрый шаг, прервалась на полуслове и совсем уж было собралась поворачивать обратно, да Аринка придержала ее за рукав.

– Ты из-за этих, что ли? – кивнула она в сторону нескольких баб, которые что-то весьма оживленно обсуждали, стоя у входа в лавку, но, завидев их, замолчали и устались во все глаза. – Кто-то из них тебя задевал, да?

– Да не то чтобы задевали, – неохотно ответила Ульяна. – Они все жены ратников, а Илья мой еще совсем недавно обозником был, так они никак привыкнуть не могут, что я им ровней стала. Ведь привяжутся сейчас... Варвару еще не ко времени принесло – уж она-то не смолчит.

– Ну, если так уж считаться, то это они тебе не ровня, – Аринка скептически поджала губы, разглядывая уставившихся на них баб. – Ты повыше них будешь, твой муж – обозный старшина и наставник, и Лисовину крестный брат. Так что не робей – задевать меньше будут. А мне сворачивать и подавно нельзя: хочешь не хочешь, а придется сразу же показать, что не дам я себя в обиду, иначе заклюют. Ну да ладно, сейчас увидим, у кого язычок-то острее заточен.

«А Лисовинов-то здесь даже кумушки боятся, не спешат на нас с распросами набрасываться. Совсем уж без внимания не оставят, конечно, ну так я чужих языков не боюсь, спасибо мамушке-свекровушке. Нигде чужаков не любят, сразу стараются поставить на место. Меня-то уж и подавно, после вчерашнего. Да и слухи про опекуństwo Андрея уже по всему селу разлетелись – сколько народу на нас по дороге в церковь пялилось. Интересно, которая из них первой начнет? Вряд ли самая умная... самая нетерпеливая, скорее».

Первой голос подала та самая баба, которая вчера смотрела из толпы на приезжих жадным взглядом завзятой деревенской скандалистки. Видно, это и была главная местная сплетница Варвара, которую Ульяна опасалась.

– Ты, что ли, будешь та самая вдовица Арина, которую Немой в походе подобрал? – протянула она насмешливо, оглядывая чужачку с головы до ног.

Аринка напустила на себя простодушный вид, даже рот чуть приоткрыла, захлопала глазами с выражением наивной невинности на лице и спросила с искренним удивлением:

– Не тво-о-ой? А что, там и твой был? Прости, не заметила. У нас в Дубравном дубов много, одним больше, одним меньше. Да и не знаю я, который из них твой-то был?

Аринка еще только начала говорить, а на лице Варвары уже появилось выражение презрительной жалости, ведь судьба пришлой была predetermined заранее: быть обсмеянной и униженной, чтоб сразу место свое поняла и не заносилась. Смысл ответа до первой ратнинской сплетницы дошел только тогда, когда вместо поощрительных смешков она услышала за спиной тишину. Бабы, затаив дыхание, ждали продолжения, прекрасно понимая, что первый отпор Варвару, при ее-то опыте, смутить не должен. Наоборот, только раззадорит, а значит, забава удастся на славу!

Аринка тоже в этом не сомневалась, но совершенно не боялась. Варвару она поняла прекрасно, случалось и не таких окорачивать в Турове – там ей не раз приходилось за себя постоять. Красивая молодая чужачка, не городская, а из дальнего села, да замужем за красавцем Фомой, по которому, что уж там говорить, сохли и девки, и молодые вдовы. Спасибо бабкиной науке – отбилась, а уж тут-то...

– Да уж! Конечно, не мой! – Варвара тем временем задорно подбоченилась и оглянулась на подруг. – Уж мой-то тебя, бесстыдницу, в чем мать родила на руках таскать не стал бы. Тем более, на глазах у отроков.

– Так это ты про Андрея Кириллыча, что ли, любопытствуешь? – просветлела лицом Аринка, будто только сейчас догадавшись, о чем ее спрашивают. – А я-то не пойму никак... Ну да, он уж точно не твой! – согласно кивнула она Варваре. – Ты-то ему зачем? – и, критически осмотрев соперницу, проговорила вроде как про себя. – Да и такое... не то что поднять – волоком не всякий дотащит! Если перекатить только...

В толпе баб кто-то прыснул, видимо, представив себе описанную Аринкой картину. Варвара снова выдержала удар; хоть кровь и прилила к щекам, но ни голос, ни осанка ее не изменились:

– А ты и обрадовалась! Хоть какой, да все ж таки муж потрогал, не побрезговал... после других.

– Ну так ежели ему другие все, как ты, попадались... – сочувственно покивала ей Аринка. – А я-то удивлялась, что он не женат... Ну, да такой воин, из рода высокого, на кого ни попада и не посмотрит...

– Ну, ты, потас...

– И как твой-то муж справляется, даже удивительно, – продолжила Аринка, словно не слыша противницу. – Это ж от такого счастья и очуметь недолго!

Оглушительный хохот прервал ее на полуслове. Некоторые даже слезы утирали, так их пробрало. Какие-то слова Арины явно попали в «убойное место»: Варвара побагровела и, набрав полную грудь воздуха... выдохнула его, так и не произнеся ни звука.

Причины этого Аринка не поняла, но воспользовалась представившейся паузой, чтобы оглядеться. Во дворе заметно прибавилось народу: кто-то вышел из лавки, да так и остался на крыльце, стараясь не пропустить ни слова, кто-то мимо ворот проходил да подошел поближе, привлеченный собиравшейся толпой. Мужики, правда, до сих пор делали вид, что их мало интересуют бабы перепалки, хотя некоторые уже посматривали с интересом, ухмылялись в усы и явно ждали продолжения. Несколько баб, подошедших чуть позже, собрались вместе и тихо переговаривались, но что-то не спешили поддержать Аринкиных противниц и стояли хоть и близко, но все-таки особняком. Они и до этого откровенно посмеивались, глядя на односельчанок, а сейчас хохотали громче всех.

«Видно, тут, как и везде, свои раздоры. Похоже, бабы-то между собой не ладят. Хоть и не спешат они явно на мою сторону встать, я для них чужая, но и своим не сочувствуют. Не любят люди сплетниц и скандалисток, нигде не любят. Да что ж я такое сказала-то?»

Чтобы оценить все это, Аринке хватило нескольких мгновений – тех самых, когда, оглушенная ее отповедью и хохотом односельчан Варвара хлопала глазами и разевала рот, впервые, вероятно, не находя слов в ответ. Она давно привыкла, чтобы смеялись не над ней, а вместе с ней, и теперь совершенно от того растерялась, не зная, как быть. К тому же ее сбивало с толку по-прежнему приветливое, немного сочувственное выражение лица Аринки, совершенно не соответствующее тем словам, что как будто отхлестали ее по щекам у всех на виду. Да и произнесены они были не в запале и не со злом – мимоходом, с милой улыбкой, слегка снисходительно. ТАК скандалить Варвара не умела и была совершенно выбита из колеи – это сразу в глаза бросалось. Остальные бабы тоже замолчали, пытаясь осознать происходящее: они привыкли к стычкам с криками, бранью, взаимными обвинениями, порой совершенно нелепыми, но сейчас скандал получался какой-то... неправильный, непонятный, так что даже те, кто уже были готовы заклевать пришлицу, примолкли.

Возможно, Варвара и попыталась бы продолжить, но неожиданно у нее из-под локтя вывернулась какая-то мелкая бабенка весьма неряшливого вида.

– А-а-а! Потаскуха!!! Блудить сюда приперлась!!! Мужей наших... – заголосила она с такой неподдельной злобой в голосе, что Аринка удивилась. Остальные, да хоть вот и Варвара, тоже неласково смотрели, но не так: их неприязнь была как раз вполне объяснима и вписыва-

лась в обычай, но не больше. А у этой все так и кипело внутри, словно приезжая ей самой в чем-то поперек встала.

«Э-э-э, подруженька, а ты тут не слишком в чести, вон как остальные на тебя косятся – без одобрения, даже с насмешкой. Похоже, не очень-то тут к тебе прислушиваются, скорее, терпят только, ну и помыкают тобой, не без этого. Даже Варвара вон поморицилась. А вот ты на них смотришь заискивающе».

– Ой, а что это такое? – с искренним интересом спросила она, одарив распустеху лучезарной улыбкой.

– Где? – та от неожиданности обернулась назад – посмотреть, что это там углядела ненавистная чужачка.

– А что это у вас такое крикливое и чумазое? – поверх головы новой противницы поинтересовалась Аринка у тех баб, что громче других смеялись над Варварой.

– Да это Лушка Безлепа! – весело ответила ей одна из них, явно наслаждаясь происходящим – судя по всему, эта самая Безлепа давно стала всеобщим посмешищем. Оттого, видать, и к Варваринной компании примкнула, чтоб прочие не заклевали.

«И с мужем ты, должно быть, неладно живешь: голубки на подвеске, символ супружества, тусклые, даже заржавели кое-где. Да вон и синяк под глазом еще не совсем прошел, и взгляд затравленный – часто бита бываешь... Ну так и неудивительно – при такой-то неряшливости хорошей хозяйкой не будешь. А муж, должно быть, от такой жены гуляет. Его виноватить ты боишься, так на баб всю свою злость и перенесла. Потому и на меня смотришь заранее, как на врага: соперницу во мне заподозрила...»

– Ты дурочкой-то не прикидывайся... – вякнула было Безлепа, растеряв первоначальный разгон, но не желая останавливаться. Опыт Варвары ее ни чему не научил; остальные-то, кто поумнее, помалкивали.

– Так приходится под тебя подстраиваться, – ласково улыбнулась ей Аринка, – у тебя-то оно само получается.

– Умная больно! – снова срываясь на возмущенный визг, выпалила Лушка в лицо Аринке, опять распаяясь. – Ежели на Немого нацелилась, так того добра и не жалко! Этого лисовиновского цепного пса бери, а других не замай!

«Ну, так и есть! Ох, и дура же... да в придачу еще и ревнива без меры... Вон бабы-то как на нее смотрят – с насмешкой; видать, одно только на уме – что все ее благоверного соблазнить норовят! Но как она на Андрея-то... А ведь остальные явно при этих словах от нее отшатнулись... боятся. Его боятся! Она-то, дура, в запале сама себя не слышит... Ну, зря ты это сказала, голуба, ох, и зря!»

Хоть и разозлилась Аринка, что эта баба смеет так Андрея задевать, но даже бровью не дрогнула, наоборот, улыбнулась ей еще ласковее, словно дорогой подруге. И не сказала – пропела в ответ:

– Преданность да верность мужу не в укор, а воину цепь не наденешь. Вот иных кобелей шелудивых только на цепь и сажать, да и то без пользы: все на сторону смотрят. Но ты не кручинься, мне такие без надобности, только под ногами путаются. Хотя... – Аринка окинула задыхнувшуюся от ее слов бабенку жалостливым взглядом, вздохнула с сомнением и покачала головой. – Ведь все равно по чужим дворам бегать не перестанет. Может, где и пожалеют, кость какую кинут, раз дома-то помоями потчуют. Вон, я гляжу, у голубка-то твоего ненаглядного и клюв уже заржавел от такой жизни собачьей, – и кивнула на пояс своей противницы.

И опять ее слова были встречены дружным хохотом со стороны тех баб, что стояли чуть в стороне; Варварины подружки – и те уже откровенно усмехались. Веселились и зрители, собравшиеся поглядеть на бабий скандал; даже мужи теперь не скрывали своего интереса, а некоторые так и вовсе глядели с одобрением на Аринку, которая продолжала сохранять на лице откровенно сочувственное выражение.

Безлепа же вспыхнула до корней волос, растерянно оглянулась на товарок, ожидая от них поддержки. Те, однако, ей на выручку не спешили, зато со стороны второй стайки баб раздался задорный голос:

– Эй, Безлепа! А ведь угадала вдовица Арина про помои-то! Недаром твой Прокоп миску с подгорелой кашей намедни в сердцах тебе на голову надел!

– А у голубка-то твоего, и правда, нос заржавел. Смотри, скоро и хвост заржавеет! – сквозь смех выкрикнула другая.

– Заржавеет и отвалится, – добавила еще одна бабонька к всеобщей радости.

– Хво-о-ост, говоришь? – не выдержала Лушка, оборачиваясь к последней насмешнице. Мгновенно позабыв про Аринку и явно вспомнив старую обиду, она заголосила уже в ее сторону:

– А ты-то куда лезешь, коза блудливая?! Думаешь, не знаю, с кем ты на сеновале кувыр-калась?!

– Ты лучше за своим обормотом следи, помойка ходячая! – тут же раздалось в ответ. – Тебе не достает, так другим не завидуй! Сама виновата!

Видать, намек пришелся не в бровь, а в глаз, Лушка опять развернулась и накинулась на другую бабу, стоявшую до того прямо у нее за спиной:

– А тебя я и вовсе в нужнике утоплю, кикимора рыжая! Если еще хоть раз рядом с моим...

– Да он тебя раньше утопит в тех помоях, что ты на стол подаешь! – не осталась в долгу та.

– Потаскухи!!! – сорвалась на визг неряха. – Все знают – и ты, и твоя сеструха на передок слабы! А ты, Глашка, только и думаешь...

– Сама ты муха навозная! Да кому твой опарыш лысый надобен! – насели те на Лушку уже вдвоем.

«У-у, угадала я: ты еще и ревнивая! Ну, с таким норовом, бабонька, тебе только в прорубь головой... если муж раньше не прильет».

Аринка успокоилась и отшагнула немного в сторону. Дело было сделано. Бабы сцепились между собой, позабыв про нее. Обычное дело – чтобы посильнее уязвить обидчицу, в ход идут как справедливые, так и выдуманные обвинения и попреки, ни малейшего отношения к тому, с чего началась ругань, не имеющие. Да и неважно уже бабам, что говорить, главное – высказаться.

Скандал, как костер, продолжал разгораться, чуть ли не в десяток голосов оповещающая округу о подробностях ратнинской жизни за последние несколько лет. У кого-то свинья в чужой огород залезла, у кого-то капуста аж в позапрошлом году, вместо того чтобы закваситься, стухла; у кого-то дочка хромяя и ни в жизнь замуж не выйдет; кто-то с мужем в погребке любился (другого места не нашли); кому-то ворона на голову нагадила (знает, куда гадить, птица мудрая).

Аринка некоторое время поколебалась – уходить от греха или остаться, а потом склонилась к уху Ульяны:

– А чего это я сказала такого, что над Варварой все хохотать начали?

– Да мужа ее как раз и кличут Чумой, – усмехнулась Ульяна. – Угадала ты ловко – и правда, совсем чумовой он у нее. Да и она... У нас ее еще никому не удавалось заткнуть. Как ты-то умудрилась? – начала было Ульяна, но вынуждена была прерваться, потому что крики и визги переросли уж и вовсе в дикие вопли. Оказывается, Лушка, не выдержав словесного поединка со своими противницами и исчерпав все слова и оскорбления, вцепилась ближайшей в физиономию, за что тут же получила затрещину от второй. Пострадавшая от нее баба, издав протяжный вой, еще и добавила, так что Безлепа отлетела на несколько шагов и со всего маху наступила на ногу стоявшей в стороне дородной бабище – широкой в кости и сложения весьма не малого.

– Куда прешь, лягуха тухлая?! – рывкнула та на скандалистку и отвесила ей такой мастерский удар кулаком по уху, что несчастная Лушка, запутавшись в юбке и споткнувшись, полетела дальше, но уже вперед головой, и врезалась в трех молодых, до этого не принимавших никакого участия в драке.

– Бодаться вздумала, коза безрогая?

– Ах ты, корова мокрохвостая! Я те щас хвост-то на рога живо накручу!

А молодуха, сбита Лушкой с ног, падая, заверещала и, широко взмахнув руками, задела ожерелье на груди Варвары. Нитка лопнула, и бусины рассыпались прямо в пыль.

– Ты чего, курица ошипанная, творишь?! – ахнула та и, мимоходом пнув ногой упавшую бабу, рванулась на Лушкину обидчицу:

– Из-за тебя все, кобыла лядащая!

– Катку не тронь, беременная она! – взвизгнули сзади сразу две бабы, кидаясь на свою лишенную украшения товарку.

Вскоре перед крыльцом сельской лавки кричала, визжала и крутилась, словно в хороводе, безобразная бабья драка, втягивая в свой круговорот все новых участниц. Одна рванулась было вытащить из этой кучи-малы пострадавшую то ли дочь, то ли сестру, но ненароком встряла между двумя вцепившимися друг в дружку противницами и только успевала отмахиваться от них. Еще одной, по неосторожности подошедшей слишком близко, неожиданно заехали по носу, она рванулась дать сдачи, да так и растворилась в свалке. На кого-то упала вырвавшаяся из этого кипящего котла молодуха с совершенно безумными глазами, в растерзанной одежде, пытаясь устоять на ногах, дернула за руку, ее оттолкнули, но через мгновение обратно в толпу влетели уже двое.

Растрепанные бабы в запале сыпали проклятиями и обвинениями, рвали друг с дружки платки, вцеплялись в косы и норовили выцарапать противницам глаза, да и кулаками махали вполне споро – уже кое-кто был в стороне, держась за разбитое лицо или еще какую пострадавшую часть. Раскатились в пыли еще чьи-то порванные бусы, трещали рубахи, а наблюдающие за этим буйным весельем многочисленные зрители не торопились прекращать побоище – себе дороже обойдется.

В общем, бабы самозабвенно выясняли отношения, напрочь забыв про Аринку, а она по-прежнему стояла в сторонке с невинным и немного отстраненным видом, удивленно наблюдая за происходящим – такого она еще не встречала.

«Да-а, мальчишеские драки я видела, мужские тоже, но женскую – в первый раз. Права бабка была: отвратное зрелище... и страшное, хотя и не так, как драка мужей или отроков. Муж в драку полезет только тогда, когда НЕ драться он не может, иначе мужем себя считать не станет. Мальчишки себя перед дракой бранью распаляют, а бабы... Они ведь тоже бранились, но не так, как отроки: не распаляли себя, а... будто они УЖЕ бились – словами...»

Ну надо же, сколько лет прошло, как бабка мне это говорила, я ведь и забыла уже про тот разговор, а вот увидела сейчас – и все вспомнила. Главное женское оружие – это не кулак, а слово. В драку же полезет только та, у которой слов уже не осталось.

И это боевые подруги воинов, про которых Михаил толковал? Да обычные же бабы! Или... или они сейчас могут себе ПОЗВОЛИТЬ быть обычными бабами? Вон, мужи стоят, посмеиваются, значит, бояться нечего, все тихо-мирно. Однако некоторые-то вполне умело кулаками машут и от чужих ударов защищаются... Как Ульяна сейчас говорила – ее муж обозником был? Может, здесь не только мужи на воинов и обозников делятся, но и у баб что-то похожее есть? Тогда... обозницы непременно биты бывают? Или тут не так все просто?»

Ульяна, хоть ей такое и не в диковинку было, откровенно маялась и высматривала кого-то, кто смог бы остановить побоище – может быть, именно потому, что не раз видела, до чего оно в конце концов довести может.

– Слава богу, что не у колодца мы сейчас!

– А чем здесь лучше-то? Думаешь, в колодец могли кого-то ненароком толкнуть?

– И это тоже... Был у нас один случай... Баба непутевая с пьяных глаз младенца своего в колодце утопила...

– Батюшки-светы! Это как же надо было упиться-то? – Аринка ахнула и перекрестилась.

– Ну... в семье не без урода... есть у нас такая, Донькой зовут. Увидишь – сразу ее узнаешь, не ошибешься. Бабы, когда услышали про такое, ее коромыслами чуть насмерть не забили, с трудом растащили их. Потом полсела в синяках да царапинах ходило... И сейчас, боюсь, разойдутся бабоньки... Ну, наконец-то, вот он-то и управится!..

После такого невнятного восклицания Ульяна решительно направилась в сторону ворот. В них, сложив руки на груди, щерилось в страшной ухмылке вчерашнее чудовище, так напугавшее Аринку – ратнинский обозный старшина Бурей. Что уж ему говорила Ульяна, не давал слышать шум драки, заметно было, что он сам удивлен Ульяниной смелостью, однако же выслушал ее, ухмыльнулся еще шире, кивнул и... как-то вмиг оказался рядом с визжащей и орущей бабьей свалкой. От свиста заложило уши, но увлеченные друг другом бабы не сразу сообразили, что происходит. Тогда Бурей, не глядя, схватил двух ближайших к нему кумушек за шкуру и, будто кутят, швырнул в самую кучу-малу, сбив ими еще нескольких.

– Р-р-разойдись! – рявкнул он на оглядывающихся в недоумении баб, которые по одной вываливались из общей толпы.

Какая-то молодка, разгоряченная дракой, попыталась было огрызнуться в ответ, но Бурей только ощерился и зарычал уже совершенно по-медвежьи. Вот тут-то до баб и дошло, КТО стоит рядом. Драка, будто по команде, прекратилась, а ее участницы, разом забыв все свои споры, как переполошенные куры бестолково заматались по двору – казалось, в ужасе они не сразу сообразили, в какой стороне ворота. Пораженная Аринка, не веря своим глазам, смотрела, как они дружной толпой (и не подумаешь, что только что от души метелили друг друга) наконец рванули на улицу. Визг при этом стоял такой, что свист Бурей тихим шелестом казался.

«Ну, прямо как воробы с кучи мякины вспорхнули. Хотя... от такого, пожалуй, голову потеряешь».

Бабы, не успевшие в числе первых выскочить со двора, с испуганными криками вдруг шарахнулись в сторону, прижимаясь к одной из створок. Ульяна с Аринкой изумленно глядели на происходящее, не понимая причины столь странного поведения, но в следующее мгновение в опустевшем проеме ворот показался Андрей Немой. Бабы с опаской проскакивали на улицу, стараясь держаться подальше от него и обмахивая себя на ходу крестным знаменем.

«Да что ж это такое? Чего они все от Андрея-то так шарахнулись? За что же его ТАК боятся? Почему? Он же... он же лучше всех!»

– Господи, Пресвятая Богородица! Что делается-то! – Ульяна изумленно переводила глаза с Аринки на Немого и обратно. – Арина, да ведь он... он за тобой сюда пришел!

А Андрей и правда поверх голов мелькающих перед ним баб глядел на нее. Неужто, заслышав шум драки, решил, что и она в нее встряла? Аринка успокаивающе улыбнулась ему в ответ, заметив краем глаза, как уставились на нее при этом окружающие, даже у Бурей лицо как будто вытянулось и ухмылка пропала.

«Совсем они тут с ума походили, что ли? Ну, даже если он и за мной пришел... Чему тут удивляться-то?»

Из-за скандала Аринка с Ульяной в лавку так и не зашли – после всего случившегося посчитали за лучшее вернуться, от греха подальше. Андрей все-таки проводил их обратно на усадьбу, чем окончательно поверг в столбняк всех присутствовавших перед лавкой односельчан. Впрочем, сам он будто и не замечал потрясенных взглядов зевак, да и Арина сделала вид, что внимания на них не обращает.

А в воротах лисовиновской усадьбы на нее налетели сестренки и затеребили:

– Ой, Аринка, а каких кукол нам показала Елька!

– У нее каких только нету!

– Аринка-а, ну Аринка же!

Пришлось на ходу распрощаться с Ульяной, поблагодарить Андрея и, подхватив сестренку за руки, идти на женскую половину дома – обед уже был готов.

– Ну, так что там за куклы, а? Деревянные да складные?

– Ой, а ты откуда знаешь? Тебе тоже их показали? – с подозрением протянула Стешка.

– Нет, не показали, а рассказали – жена дядьки Ильи, тетка Ульяна.

Девчонки с облегчением вздохнули, переглянулись и опять задергали Арину за рукава рубахи.

– Деревянная куколка у нее есть, да... А еще... ой, Арин, мы та-акую видели...

– Да ладно, рассказывайте уж, не томите, – подыграла им Аринка, и довольные сестренки захихикали, а потом одновременно выпалили:

– У Ельки кукла с нарядами есть!!!

– И что? Они же все одетые делаются, – не разделила их восторга Аринка.

– Да нет же, ты же ничего не понимаешь! – возмущенно загалдели малявки. – У этой куклы наряды СНИМАЮТСЯ!!! И их много – разных! Правда-правда! Ты таких никогда и не видела!

– Как это – снимаются? – Аринка и в самом деле ничего не понимала: куклу-то шьют *вместе* с ее нарядом, он – часть самой куклы, сними его – и что останется? А девчонки продолжали щебетать:

– Ой, Арин, а какие лоскутки там у нее есть! Елька говорит – у нее матушка лучше всех здесь шьет, а ткани ей аж из самого Турова привезли.

– Арин, а нам можно будет таких же кукол? Мы сами сделаем, правда-правда! Ты нам только... это... лоскуточки дашь, а? – Фенька на ходу забежала вперед и, умильно улыбаясь, просительно заглянула в лицо старшей сестре, а Стешка потерлась носом о ее руку. У Аринки слова комом в горле застряли.

«Им бы матушку сейчас об этом просить, а не сестру. Господи, Пресвятая Богородица, ну за что им-то такое испытание? За что безгрешные души наказываешь, Господи?»

Молодая женщина остановилась, обняла обеих сестренок сразу, прижала их к себе и серьезно ответила:

– Будут у вас такие куклы, как вы захотите! Обязательно будут! Дайте только до крепости добраться и на месте устроиться – вместе сделаем! – сказала – как зарок дала, только сама не поняла, кому она это пообещала, им или себе.

После обеда заметно уменьшившийся обоз двинулся в сторону крепости. Аринка, сидя на телеге, проезжающей, как и вчера, через село, снова ловила на себе взгляды встречных ратников. Пожалуй, пялились на нее теперь больше, но... совсем иными уже были эти взгляды. Любопытные и заинтересованные мужские, порой не ласковые бабьи – вон и Варвара с подругами стоит, косится... У многих морды поцарапанные, да синяки уже наливаются... Лушке-то больше всех досталось, но тоже здесь отирается, злобится.

Но кое-кто из баб смотрел весело, даже с одобрением, а на сгрудившихся возле Варвары односельчанок поглядывали и посмеивались. Но не в этом даже дело-то, просто НЕ ЧУЖАЯ она теперь для них, вот что главное! И в усадьбе... Вспомнила, как перед самым отъездом, когда первые телеги уже трогались со двора, поймала на себе взгляд Листвяны. Утром ключница совсем иначе смотрела, не так равнодушно, как вчера, а с интересом, словно только что увидела. Но теперь и еще кое-что появилось в ее взгляде: как будто старая волчица оценивала молодую, не соперничая, нет, скорее, признавая.

Глава 3

Июль 1125 года. База Младшей стражи

– Матушка! Мишаня с Осьмой возвратились!

В горницу к Анне Павловне влетела Машка, с порога сообщила новость и явно собралась добавить что-то еще, но ее перебила заскочившая следом Анька-младшая:

– И бабу какую-то с детишками привезли! В телеге на пароме сидят!

«Рано они – я же их еще несколько дней не ждала... Что-то случилось?»

Встревоженная Анна отстранила продолжающих тараторить дочерей и вышла из горницы. На крыльце она появилась как раз в тот момент, когда в крепостном дворе раздался громкий голос дежурного урядника:

– Академия, смирно!!! Господин старшина! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось...

Анна всмотрелась в сына, принимающего доклад дежурного урядника, и в Андрея Немого, с обычной невозмутимостью возвышавшегося в седле рядом с Мишаней.

«Да нет, вроде бы с ними все в порядке. А вернулись тогда почему? С отроками что-то стряслось?»

– Вон баба-то! – раздался за спиной голос Аньки. – Гляди, вон в телеге сидит...

– Молчать! Команда «смирно» была! – бросила Анна Павловна через плечо, но глазами невольно повела в сторону въезда в крепость. Там действительно стояли телеги, которыми правили отроки с купеческого отделения. На первой из них за спиной возницы сидела молодая женщина с двумя девочками.

«Это еще кто такие? И зачем их сюда привезли? И почему отрок правит... как его... Григорий, кажется? У Ильи что, возниц не хватает?»

– Академия, вольно!

Доклад закончился, Андрей махнул конным отрокам, указывая им путь к казарме, Илья что-то скомандовал возницам, и телеги одна за другой начали заезжать на крепостной двор. Все занялись привычными и понятными делами, лишь один Григорий, въехав в крепость, остановил телегу, явно не зная, что делать дальше.

Привычно цыкнув на дочерей, чтобы не бежали, а выступали степенно, Анна Павловна спустилась с крыльца и пошла навстречу спешившему сыну. Выглядел Мишаня бодро и что-то оживленно объяснял недовольному Алексею. Приблизившись на несколько шагов, Анна начала разбирать его слова:

– Да помню я, что купеческих в бой пускать нельзя, но не было никакой опасности! Сам же видишь: никто даже не ранен, да и вояки там были еще те! Вон, даже Арина, – сын мотнул головой в сторону телеги Григория, – двоих уложила! Одного из охотничьего лука, а второго топором... Здравствуй, матушка! – он поклонился матери.

– Здравствуй, сынок! – Анна сделала последние два шага и, притянув к себе голову сына, коснулась губами его лба. – Вы что там, воевали? Кого это топором зарубили?

– Да ничего особенного, мам! Мы в село к Грише заехать решили, а там как раз разбойники; ну, мы их и того... Да не было никакого риска! – Мишка, видимо, продолжал свой спор с Алексеем. – Их и ратники Луки сами перебили бы, но надо же было ребятам дать попробовать по-настоящему пострелять! Я внимательно следил – никто в отроков из лука не целился, а до рукопашной мы не допустили. Матушка, – голос у Мишани вдруг стал приглушенным, а с лица сошла улыбка, – у Гриши беда случилась. Разбойники его родителей убили и дом сожгли. Я сестер его велел с собой сюда привезти. Старшую Ариной звать, вдова она, а младших... запоматывал. Ты бы присмотрела за ними, а, мам? Гриша – парень старательный и способный,

негоже ему учебу бросать, может быть, решим дело как-нибудь? – Мишка просительно заглянул матери в глаза.

«Мальцом точно так же лакомство, бывало, выпрашивал...»

– Ну конечно, придумаем что-нибудь. Правильно сделал, что велел их сюда везти. Анна! Ну-ка, быстро! Горницу для сестер отрока Григория приготовить! Мария, скажи дежурному уряднику, чтобы отроков прислал, пожитки с телеги выгрузить! Гриша! Правь сюда!

Анна раздавала указания, а сама отмечала краем глаза, как Алексей увлекает Мишаню в сторону, продолжая обсуждать схватку с разбойниками. От ворот к крыльцу, уже заранее улыбаясь, подходил Осьма с каким-то свертком в руках.

«Наверняка гостинец».

Купец помнил просьбу боярыни присматривать для нее в дальних поездках изделия искусных рукодельниц. Вот и сейчас, видимо, привез что-то. Анна с улыбкой приняла от него сверток.

– Благодарствую, Осьма, что помнишь мою просьбу и радуешь меня, потакая моим прихотям. Сейчас, сам видишь, мне не до разговоров. Вот примем людей, устроим их на новом месте – тогда милости прошу в гости с рассказами.

Андрей тем временем подъехал к телеге, на которой сидел Григорий и его сестры, спешился, кивнул отроку и...

«Ба-атюшки! Да что же это делается-то?!»

...по очереди снял девчушек с телеги. Те заулыбались, защебетали что-то, называя его «дядькой Андреем», а он внимательно посмотрел на старшую сестру и кивнул в ответ на какие-то ее слова.

«Чтобы баба Андрею УЛЫБАЛАСЬ?! Не было такого никогда! Это что же за птицу такую сыночек мой раздобыл?.. Ладно, там видно будет, сначала их все-таки принять да разместить надо: совсем уж непотребных людей Мишаня не стал бы с собой брать».

Анна неторопливо подошла к телеге, которой правил Григорий. Тот спрыгнул с передка и поклонился боярыне.

«Господи, мальчишка еще, а как уже вымахал!»

– Здравствуй, Гриша! Слышала я уже о твоей беде, – женщина поднялась на цыпочки и коснулась губами его лба – точно так же, как всего несколько минут назад приласкала сына. Парень на мгновение оторопел: никогда боярыня Анна Павловна, за которую все они каждый день Бога молили, ни с кем из них так ласкова не была. Он дрогнул, собираясь было еще раз поклониться, но руки боярыни удержали его.

– Родителей ваших и сам Господь теперь не вернет, а что в человеческих силах, мы все сделаем. Не беспокойся, не дадим мы твоей семье пропасть. Правильно поступил, что сюда всех привез. Пока вас здесь, в крепости устроим, а уж решать что-то завтра будем, твои сейчас устали, с дороги-то.

Последние слова Анна говорила, уже повернувшись к прибывшим и внимательно рассматривая их. Андрей все не уходил, стоял тут же и выжидающе глядел на Анну.

– Здрав будь, Андрей! – Анна приветливо кивнула Немому. – С благополучным возвращением тебя!

Андрей ответил Анне легким поклоном и тут же покосился на маленьких девчонок, которые повторили его поклон, настороженно глядя на незнакомую женщину.

«С чего это он так... будто оберегает их? А она-то его совсем не боится, и девчонки...»

Удивленная и встревоженная странным поведением Андрея, Анна внимательно оглядела приезжую.

«Наряд вдовий – у меня самой такой же, но не старшей женщиной в семье она была. Ах, да – Мишаня говорил – оба родителя погибли... Детей у нее нет... и не было еще. Мало замужем пробыла, выходит? С родителями жила... в семье мужа не осталась, к своим вер-

нула... Вернулась или... вернули? Что ж там с мужем-то стряслось, если у нее голубок на поясе одинокий висит – и пары не ищет... безутешная вдова, значит?

Муж-то явно не из бедных был – голубок у бабоньки серебряный. А хороша-то как! И знает об этом – чужой взгляд спокойно встречает. Та-ак, это еще что?»

Взгляд Анны уткнулся в вышивку на платье Арины.

«Мало мне было Нинеи с Велесом и Настены с Макошью, так еще и эта на мою голову... со знаками Лады... вперемишку с православными крестами. Жрица Лады? А причем тогда здесь кресты? И каким боком здесь Андрей? Неужто заворожила? Зачем это ей?»

Арина уловила настороженный взгляд Анны, скользивший по знакам на ее одежде, обернулась к часовне и размеренно, напоказ осенила себя крестным знаменем. Вслед за ней послушно замахали руками девчонки.

«Крещеная, значит. И не притворяется – младшие-то вон как привычно крестятся. Да что ж ты за баба такая непонятная? Ладно, разберусь. И лучше бы тебе, бабонька, не замьшлять против Лисовинов... ну и против Андрея тоже».

Когда новоприбывшие повернулись обратно к Анне, перед ними стояла уже приветливо улыбающаяся добросердечная хозяйка. Она подошла к ним вплотную, приобняла девчонок за худенькие плечики и, глядя в настороженные детские лица, сказала ласково:

– А что это за красавиц ты нам, Гриша, привез? Здравствуйте, девоньки! – и краем глаза заметила, как старшая сестра едва приметно выдохнула с облегчением.

– И ты здравствуй, Арина.

– И тебе поздорову, боярыня, – отозвалась та.

– С приездом вас! Мы добрым людям всегда рады, – сохраняя на лице радушное выражение, Анна еле заметно выделила голосом слово «добрым» и взглянула Арине прямо в глаза – поняла ли та намек?

«Поняла. Вот и славно. Считай, я тебя предупредила».

– Поначалу поселитесь с сестренками в девичьей избе, где все девки живут. Анна, – боярыня подозвала дочь, – проводи и проследи, чтобы ни в чем нужды не было.

– Благодарствую, Анна Павловна, но у нас не все в пожаре сгорело, и на первое время самое необходимое есть. Хороший сын у тебя, заботливый – дал нам время собраться. А Андрей Кириллович попечение о нас на себя взял.

При последних словах самообладание чуть не изменило Анне.

«Мишаня, паршивец, знал и не упредил! Как обухом по голове».

Андрей коротко кивнул, подтверждая сказанное Ариной, а она придвинулась к нему поближе и добавила:

– Он опекунство над моим братом на себя принял.

«Андрей? Опекунство? Сам или все-таки заворожила? Вот и гадай теперь...»

Глаза Анны сами собой вернулись к вышивке на одежде приезжей.

«А батюшка Корней знает? Должен знать... Без него такое дело не решилось бы. Что он-то сказал? Ай, да что он мог сказать? Молодая красивая баба... Было уже. Ладно, за этой я сама пригляжу, да и у других совета спрошу – язык не отсохнет, а польза будет».

Но, как бы ни велико было ее удивление, ни голосом, ни выражением лица она этого не выдала:

– Ну что ж, значит, не чужие вы нам теперь. Не волнуйся, устроим мы твоих подопечных, – успокоила боярыня Андрея и обернулась к госте. – Я вижу, Арина, с тобой не только сестренки твои приехали.

– Да, это дед Семен и Ульяна – холопы наши бывшие. Мы им вольную дали, но они с нами ехать решили: нас вырастили, а сейчас своих родных потеряли. Так что мы теперь одной семьей жить будем.

И завертелась суэта: набежали отроки дежурного десятка, подхватили узлы со спасенными пожитками, поволокли их в девичью. Холопка постарше увела деда Семена с Ульяной: им в горнице с хозяевами делать нечего, но устроят их не хуже остальных. Пусть тоже отдохнут, силы, чай, не молодые, вымотались за несколько дней пути.

– Дочь моя сейчас покажет, где ты с сестренками первое время поживешь. Пока осмотритесь да расположитесь, как раз и баньку вам приготовим. Пирогов и молока детишкам прямо сейчас принесут – проголодались ведь, да и ты тоже перекуси немного, а уж вечером, когда девчонки спать улягутся, мы с тобой и поговорим.

«Вот после этого я и решу, что с тобой делать», – осталось произнесенным, но от этого не менее понятным обеим женщинам.

Телега с пожитками опустела, Григорий развернул коня в сторону загона, успев напоследок еще раз поклониться. Его «благодарствую, матушка-боярня» прозвучало с облегчением, парень улыбнулся сестрам, кивнул ободряюще и тронул поводья. Арина же пошла ко входу в девичью, девчонки хвостиками – за ней.

«А ведь они по возрасту моей Ельке подружками могут быть – не на много моложе. Надо ее из Ратного сюда забрать, а то вконец забалуют, привыкли уже, что самая младшая, да и она привыкла. Изо всех веревки вьет, в первую очередь из деда, а это непорядок. Не дело ребенку при живой матери у родни жить. А здесь ей и подружки будут, и забота – пусть за ними и за Саввушкой присматривает. Не все же время Красаве с ним возиться, пусть он и к другим детям привыкает.»

Но что же там с Андреем все-таки произошло? Мало мне было забот, так теперь еще и эта на голову свалилась. С какой бы стати молодая красивая баба к нему так прилепилась? Ведь не красавец писаный, не краснобай. Опора потребовалась? С одной стороны, оно вроде бы и понятно: брат еще отрок, а у нее младшие на руках остались, их поднимать надо. А с другой – неужели же совсем никакой родни больше нет, позаботиться о них некому? Ах, да, в Турове дядька есть – у нас же их брат двоюродный учится... Знать бы еще, как оно все там получилось: случайно так вышло или она сама попросила? Почему в таком случае Андрея выбрала? К сильному роду прислониться решила? Переждать, пока брат в силу войдет, да до дядьки вести о случившемся доберутся, а там видно будет? И до самого Андрея ей дела нету? Ладно, если он просто на просьбу ответил, а ежели она ему в сердце запала? И девчушки эти еще... он же с детьми никогда не возился, а тут... привяжется к ним, а она хвостом вильнет – и поминай как звали. И что с ним потом будет? А главное – с Мишаней? Останется ли после такого Андрей ему по-прежнему надежной защитой?

Если же и в самом деле чудо случилось, и Андрей ей по сердцу пришелся... дай-то Бог – женили бы его, наконец; в род прибавление не лишнее, да и за него спокойней. Ну, а если... Еще одной Листвяны мне не надо! Играть с Андреем я ей не позволю, да и палки в колеса мне вставлять – тоже. Но и сгоряча рубить тут нельзя – мало ли, вдруг и от этой Арины польза может быть. Ладно, проверю: посмотрю, поспрашиваю. Самого Андрея, понятно, не расспросишь, он и слушать ничего не станет, отмахнется и все. А вот Илья не отмахнется, с ним-то в первую очередь и поговорю. А потом еще с Мишаней и Осьмой. Ну, и с ней самой – тоже. Только после этого можно будет что-то решать».

И уже вдогонку к этим размышлениям мелькнуло:

«Так как же там у нее с Корнеем обошлось? Неужто обвести сумела? Это Корнея-то? Впрочем, муж он и есть муж – хоть трижды премудрый, а против бабьих хитростей... вон, как его Листвяна-то окрутила».

Проводя глазами Арину, Анна подозвала ожидавшую ее распоряжений девчонку-холопку:

– Найди-ка, Жива, обозного старшину Илью да скажи ему, чтоб пришел ко мне, как телеги разгрузят. Разговор у меня к нему есть.

Девчонка убежала, а боярыня не спеша пошла обратно к себе.

«Чтобы Илья за несколько дней пути да не вызнал о человеке все – ни за что не поверю. Балабол он, конечно, каких поискать, но наблюдательный. Если уж Илья чего не заметил, значит, и не важно это. Вроде и не выпрашивает ничего, сам языком чешет, не переставая, а собеседник ему все про себя потихоньку рассказывает. Он и отроков наверняка расспросил, и саму Арину наизнанку вывернул, да так, что она ничего и не заметила. Вот и послушаю».

Илья явился на зов Анны довольно скоро: то ли так быстро управился с разгрузкой, то ли перепоручил это дело кому-то другому.

– Здрава будь, Анна Павловна! Звала?

– И ты здравствуй, Илья. Проходи. Разгрузились уже?

– Заканчиваем. Там Осьма приглядывает, а мне и отдохнуть не грех, помоложе меня найдутся мешки таскать.

Илья покосился на кувшин, стоявший на столе на расписном подносе: медовый дух от него он учуял еще не пороге.

– Ну, тогда чарочка тебе не помешает. – Анна подошла к столу, налила медовухи и поднесла. – Испей, господин обозный старшина.

Илья насторожился: боярыня угощала его собственноручно, хотя обычно у нее всегда наготове были холопки для разных мелких услуг. Значит, не для посторонних ушей беседа пойдет. Впрочем, он догадывался, для какого именно разговора Анна Павловна позвала его – что уж тут гадать-то, и так все понятно.

– Выгодно ли съездили? Торговля удачная была?

– Грех жаловаться, боярыня, – Илья опрокинул чарку. – Прибыльный поход, ничего не скажешь, Осьма свое дело знает. Только окромя торгового прироста и еще есть... да не тот, которого ждали.

– Вот и рассказывай, – улыбнулась Анна. – Ты же наверняка все вызнал, всех расспросил, все рассказы сравнил и собственные мысли про все имеешь.

– Ох, все-то ты, боярыня, про нас, грешных, знаешь, – заговорил было шутливо обозный страшина; но Анна слегка нахмурилась – не время, дескать, балаболить, и он опять посерьезнел. – Тебя же, Анна Павловна, вдовица эта заинтересовала, которую Михайла в крепость привез. Так?

– Так, – кивнула Анна. – Откуда она взялась-то?

– Ну, тут дело такое вышло... – Илья явно настроился на долгий, с подробностями, рассказ – в этом он был мастером. Анна с интересом слушала, а он разливался соловьем: в дороге все у Григория с Леонидом выспросил – и про сестру, и про замужество ее, и про то, почему в род вернулась. (*«Небось, досуха братьев выжал».*) Да и тех отроков, что ездили за сестрами в сторожку с Мишаней и Андреем, расспросил (*«Ну, эти и сами любому слушателю рады были, а уж Илье и подавно».*) и, наконец, в лицах расписал, как Арина при всех поклонилась Андрею с просьбой об опекунстве над ее братом. (*«Значит, все-таки сама напросилась... еще бы узнать, почему?»*)

– За рассказ спасибо, Илья, но как же это вы так оплошали, за отроками не уследили, а, старшина?

– Ну так, понимаешь, Анна Павловна... – смешавшись, начал оправдываться недавний обозник, но боярыня его перебила:

– Ладно, то дело прошлое, обошлось – и слава богу. Продолжай.

– А чего продолжать-то? Михайла решил, что надобно им всем с нами ехать, вот они и собрались. Ну, мы им подмогли, конечно, не без этого, – Илья степенно пригладил роскошную бороду, – а в пути я, боярыня, примечать начал...

– Значит, было что примечать? – от резкого вопроса обозный старшина на мгновение запнулся. – Что не понравилось?

– Почему не понравилось? На красоту ее любому мужу смотреть приятно, даже если у него своя жена красавица писаная.

– Не о красоте сейчас речь, – Анна предупреждающе нахмурилась. – Ты и сам все понимаешь.

– Да как не понять, – Илья поскреб затылок и хмыкнул, – понимаю, конечно...

«Да что ж он мямлит-то! Что там еще случилось?»

Раздраженный взгляд подтолкнул рассказчика.

– Тут, боярыня, вот что интересно: не простая это бабенка, ох и непростая. Ты присмотришься к ней внимательно, а я пока вот тебе что скажу. Я было и сам себе поначалу не поверил, приглядываться стал да примечать...

– Ну!

– Не поверишь, боярыня: Андрюха Немой на нее глаз положил.

«Тоже мне, новость! Это я и без тебя вижу!»

– Сам положил? Без ворожбы обошлось?

– По всему видать, что сам, матушка. Да и сестренки ее... Он от них прям таял – я и сам удивлялся. Не зря же говорят, что и на старуху бывает проруха. Крепко она его зацепила. Видать, срок ему пришел, не все ж бобылем вековать.

– Уверен? – Анна сама удивилась своему тону – Мишаня так отроками в строю командует. Илья аж выпрямился на скамье и подтянул живот.

– Уверен. Хошь верь – хошь не верь, а смотрит он на нее... уж прости, но... как Алексей на тебя, аж завидно становится!

– Налей-ка себе еще чарочку, – Анне вдруг понадобилась пауза в разговоре, да такая, чтоб Илья на нее не смотрел.

Илья тоже это почувствовал и не спеша, с преувеличенной аккуратностью налил себе медовуху, медленно выпил, потом тщательно устроил на подносе кувшин и чарку, старательно утер усы, глядя куда-то в стол. Так и не поднял глаза, пока не услышал следующего вопроса:

– А она?

– Вот то-то и оно, что она! Ты ж, матушка, сама знаешь, как от Андрюхи бабы шарахаются. А тут... прямо краше его и на свете нет. А как понимает его! Он вроде и пальцем не шевельнет, она только глянет и уже знает, что ему надобно. Моя Ульяна так лишь через несколько лет после свадьбы научилась, а эта уже умеет!

– Значит, не боится она его, говоришь... – задумчиво произнесла Анна и поощрительно кивнула Илье, чтобы продолжал.

– Какой там – боится! – усмехнулся обозный старшина. – Был там один случай. Я сам не видал, но мальчишки рассказывали, что одному из них, который об Арине непотребно языком трепал, Андрюха чуть тот самый язык и не отсек, в последний миг руку удержал. И не знал он, что Арина сама это все видела. А как заметил, вот тут-то и глянул своими глазами страшными. Ну, знаешь ты про взгляд-то его особый. А ей хоть бы что! В ответ сама уставилась. Я не видел, врать не стану, а отроки углядели. Каждый на свой лад рассказывал, но все про одно и то же.

– Язык, говоришь, за нее чуть не отсек...

«Андрей за бабу вступился?»

– Так мало того – я тебе и еще про нее расскажу! И тоже дело небывалое, хоть сам не сподобился посмотреть, а Ульяна моя рассказала...

– Ульяна? – удивилась Анна. – Она-то когда успела с ней познакомиться?

– Так мы же в Ратном останавливались на ночь. Сегодня утром после церкви баба моя и повела эту Арину в лавку, а там к ним Варвара со своими подпевалами и привязались. Арина-

то, не поверишь, при всем честном народе Варвару заткнула! Варвару! – Илья многозначительно вздел указательный палец к потолку. – Вот уж дал Господь язык бабоньке! Что твое шило! И наших ратнинских она там так стравила – те аж передрались, только Бурей и разогнал! А сама в сторонке осталась.

«Тут уже не ворожкой пахнет...»

– Умна, ничего не скажешь.

– Да, умна... и разного в жизни, видать, хлебнула. Да только пришелся ей наш Андрюха по сердцу, по всему видать.

– Еще что-то заметил?

– Ну... и сам в дороге примечал, и холопы на лисовиновском подворье сегодня с утра шушукались: вчера вечером вышла Арина за каким-то делом во двор, а там Андрей был – похоже, ее и дожидался. О чем-то она с ним переговорила, а потом как прикипели глазами друг к другу: так и стояли, пока кто-то не шумнул да не спугнул их. Вот так-то, Анна Павловна! – указательный палец Ильи на этот раз устоялся на собеседницу.

«Дай-то Господь, чтобы и вправду все так было! Я первая за них порадуюсь. Только вот что она в нем такого разглядеть сумела, чего другие не видели, и увечья его ее не отвратили? При ее-то красоте да разуме, коли все так, как Илья расписывает, недостачи в мужском внимании у нее точно нет... И почему у нее, христианки, знаки Лады на одежде? Обереги-то у всех вышиты, но там ведь Лада главным божеством обозначена... Без Настены не разберусь. Или к Нинее обратиться? Нет, не совсем уж край пришел, чтобы Великую Волхву тревожить. Попробуем сами».

Забыв о том, что хотела расспросить обозного старшину о других подробностях поездки, Анна одарила его еще одной чаркой и отпустила.

«Мишаня вроде говорил, что брат Арины, Григорий, прилежно учится, и отрок неглупый... и брат его двоюродный... ммм... Леонид, тоже у нас, в Академии. Да, Никеша же, как привез их, про каждого рассказывал. У Леонида отец в Турове торгует, а у Григория – постоянный двор держит... держал... Про обоих отцов Никеша слова худого не сказал. Значит, Арина из достойного рода, уже хорошо. Но тут все до мелочей выяснять придется – уж больно серьезное дело-то...»

Мишаня на зов Анны явился распаренный, благодостный после бани, отяжелевший от неумеренно выпитого кваса, шлепнулся на скамью и, не дожидаясь материнских слов, поинтересовался:

– Об Арине спрашивать будешь?

И вдруг зацемило сердце – вспомнилось, как когда-то приходил после бани Фрол, точно так же шлепался на лавку и благодушно гудел что-то в бороду. Только пахло от него не квасом, а чаще пивом. Хоть и не простой у мужа был нрав, и всякое бывало – и плохое, и хорошее, но десять с лишним лет прожили, своим он стал, родным...

– О ней, сынок. Ты же все видел, все у тебя на глазах происходило. Что скажешь-то?

– Ну, смотря что ты хочешь узнать, – Анне показалось, что Мишаня вот-вот хитро подмигнет. – Каков вопрос, таков ответ, матушка.

– Все тебе шуточки! – Анна с трудом сдержалась, чтобы не улыбнуться в ответ: уж очень довольный вид был у сына. – А мне знать надо, кого вы не просто в крепость привезли, но и в род наш ввести собираетесь. У нас новая родня появилась, а я ни сном ни духом?

– Да-а, не понравилась она тебе, матушка... Чем не угодила-то?

– Пока ничем, но непонятно в ней многое.

– А непонятное опасно. Так?

Анна ненадолго задумалась, мимоходом отметив, что опять Мишаня сумел повернуть так, будто разговаривать ей приходится со зрелым мужем: хорошенько подумаешь, прежде чем отвечать.

– Пожалуй, что и так, сынок. Против чего-то знакомого средство найти нетрудно, а вот против непонятного...

– Значит, все-таки «против»? Не понра-авилась она тебе, не понравилась.

«Ах ты, паршивец! Разговор о серьезном идет, а он мать дразнить вздумал! Разыгралось дитятко».

– Сынок, не до шуток мне! – голос Анны построжел. – Говорю же: мне ее понять надобно, а я не-пой-му!

– А что именно непонятно-то?

– Столько в ней всего намешано – сразу и не разберешь, что за человек. А мне знать надо!

– А более всего знать хочется, чем ОНА Андрея взяла, да что ОН в ней нашел. Так?

– Дурень ты, Мишаня. Кровь молодая играет, и все мысли только об одном. Коли нашел Андрей себе бабу по сердцу – так и слава богу, давно пора, но что она роду нашему несет – вот в чем моя главная забота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.